

Фредерик ПЮЛ

ТОРГОВЦЫ
КОСМОСОМ

Мастера фантазии

Фредерик Пол

Торговцы космосом

«Издательство АСТ»

1954, 1955, 1965, 1966, 1967, 1972, 1982, 1985

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Пол Ф.

Торговцы космосом / Ф. Пол — «Издательство АСТ», 1954, 1955, 1965, 1966, 1967, 1972, 1982, 1985 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-119067-5

Фредерик Пол (1919-2013) – американский писатель, обладатель многочисленных премий: Хьюго, Небьюла, Локус, Мемориальные премии Джона Кэмпбелла и Теодора Старджона... Будучи горячим поклонником фантастики, в 19 лет он совместно с Айзеком Азимовым, Сирилом Корнблатом, Деймоном Найтом основал общество Футурианцев и начал издавать и редактировать журналы «Astounding Stories» и «Super Science Stories», в которых печаталось множество будущих «монстров» фантастики. Редакторская работа Ф. Пола очень быстро получила признание среди профессионалов, однако писательская известность пришла к нему в 1952-м, с выходом в свет «Торговцев космосом», а с 1972 года последовало множество наград – как за романы, так и за малую форму. Фредерик Пол блистательно тасует жанры и литературные направления: публицистика, детская НФ, приключенческая и остросоциальная фантастика, – но наибольшего эффекта добивается, описывая картины тревожного «близкого будущего», где гигантские торговые корпорации полностью подавили голос свободной личности, а реклама заменила жителям Земли культуру – мир торжествующего капитализма, где «Шоу Трумана» встречается с «Матрицей» и «Темным городом»...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-119067-5

© Пол Ф., 1954, 1955, 1965, 1966,
1967, 1972, 1982, 1985

© Издательство АСТ, 1954, 1955, 1965,
1966, 1967, 1972, 1982, 1985

Содержание

Фредерик Пол, Сирил Корнблат. Торговцы космосом	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	41
Глава седьмая	47
Глава восьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Фредерик Пол

Торговцы космосом

Frederik Pohl

THE SPACE MERCHANTS (with Cyril M. Kornbluth)

SHORT STORIES

© Frederik Pohl, Cyril M. Kornbluth, 2011

© Frederik Pohl, 1954, 1955, 1965, 1966, 1967, 1982, 1985

© Frederik Pohl; Cyril M. Kornbluth, 1972

© Школа перевода В. Баканова, 2019

© Перевод. В.Баканов, 2021

© Перевод. А. Корженевский, 2019

© Перевод. Г. Шокин, 2020

© Перевод. А. Кабалкин, 2021

© Перевод. К. Плешков, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Фредерик Пол, Сирил Корнблат. Торговцы космосом

Глава первая

В то утро, одеваясь, я прокручивал в уме длинный список недомолвок и преувеличений, из которых будет состоять мой сегодняшний отчет. Мой отдел – отдел готовой продукции – в последнее время охватила настоящая лихорадка болезней и увольнений. Много ли наработаешь, если работать некому? Впрочем, мои оправдания едва ли будут интересны правлению.

Я протер щеки и подбородок мылом для бритья, затем сбрызнул стружкой пресной воды. Расточительство, конечно, но я исправно плачу налоги, а от соленой воды лицо чешется. Однако прежде чем я успел смыть последние следы пены, стружка иссякла. Тихонько чертыхнувшись, я включил соленую. В последнее время такое часто случается: говорят, проделки консов. В нью-йоркской корпорации водоснабжения регулярно проводят проверки лояльности, да только проку от них мало.

На несколько секунд мое внимание привлек новостной экран над зеркалом для бритья. Вчерашняя речь президента... ракета на Венеру – приземистый серебристый корпус среди песков Аризоны... беспорядки в Панаме... Затем радиочасы отбили четверть часа, и я выключил новости.

Похоже, на совещание я снова опоздаю. И правлению это вряд ли понравится.

Пять минут я сэкономил, натянув вчерашнюю рубашку вместо того, чтобы застегивать запонки на свежей, и оставив сок киснуть на столе. И пять минут потерял, пытаясь дозвониться до Кэти. Увы, она так и не взяла трубку, и в офис я опоздал.

По счастью – и к большому моему удивлению – Фаулер Шокен тоже не пришел вовремя.

Шокен ввел за правило раз в неделю, за пятнадцать минут до начала рабочего дня, собирать совещание правления. Клерков и стенографисток это держит в тонусе, а самому Шокену никакого труда не составляет: он и так с утра на работе. А «утро» у него начинается с восходом солнца.

Однако сегодня я даже успел забежать к себе в кабинет и захватить подготовленные секретаршей сводки. Когда Фаулер Шокен вошел, вежливо извинившись за опоздание, я уже сидел на своем месте в конце стола: спокойный, в меру расслабленный, уверенный в себе, как и подобает члену правления «Фаулер Шокен ассошиэйтед».

– Доброе утро! – произнес Фаулер, и все одиннадцать членов правления ответили ему невнятным бормотанием.

Садиться Фаулер не стал. Должно быть, минуты полторы он стоял, глядя на нас с отеческой лаской. Затем обвел комнату таким восхищенным взглядом, словно попал в райский сад.

– Я думаю сейчас о нашем конференц-зале, – негромко и задумчиво проговорил он.

Все мы огляделись. Конференц-зал у нас не слишком большой, но и не маленький: обычный, десять на двенадцать, прохладный и хорошо освещенный. Но лучшее, что в нем есть, – конечно, обстановка. Рециркуляторы воздуха искусно скрыты за фризами, на полу мягкий пушистый ковер, а мебель – вся, до последней досочки – изготовлена из настоящего природного, сертифицированного дерева.

– У нас, друзья мои, отличный конференц-зал! – продолжал Фаулер Шокен. – Так и должно быть: ведь «Фаулер Шокен ассошиэйтед» – крупнейшее рекламное агентство в городе. Годовой оборот у нас на десять порядков больше, чем у любой другой фирмы. И... – тут он обвел нас выразительным взглядом, – думаю, вы согласитесь, что жаловаться на жизнь нам не приходится. Все, кто сидит сейчас за этим столом, живут в собственных квартирах не менее чем из двух комнат. Даже холостяки! – Тут он мне подмигнул. – Что до меня самого, то и

мне грех жаловаться. Теплое время года я провожу на летней квартире, выходящей окнами на один из крупнейших парков Лонг-Айленда. Из дому выезжаю только на велокадиллаке. Нужда давно забыла дорогу в мой дом. Уверен, каждый из вас может сказать о себе то же самое.

Тут над столом взметнулась рука, и Фаулер кивнул:

– Да, Мэтью?

Мэтт Ранстед из отдела маркетинговых исследований. Пронырливый тип, вечно лезет вперед!..

– Просто хотел отметить, что с каждым словом мистера Шокена согласен целиком и полностью!

– Спасибо, Мэтью, – кивнул Фаулер Шокен.

Похоже, он действительно был растроган: прошло несколько секунд, прежде чем он заговорил снова:

– Все мы помним тот долгий путь, что привел нас сюда. Помним первый баланс треста «Старрзелиус», помним, как наносили на карту маршруты «Индиастрии». Первый трест планетарного масштаба! Целый материк, превращенный в единый производственный комплекс! И там, и там «Шокен ассошиэйтед» стали первопроходцами. Никто не скажет, что мы плыли по течению. Нет: мы прокладывали новые пути! И теперь хочу спросить у вас, джентльмены, – и надеюсь услышать искренний ответ: неужели теперь мы сдаем позиции?

Лес рук взметнулся вверх: помоги мне Боже, поднял руку и я. Фаулер испытующе вглядывался в наши лица. Затем кивнул человеку справа от себя:

– Бен, ты первый.

Бен Уинстон поднялся с места и заговорил звучным баритоном:

– Что касается отдела промышленной антропологии, то мы сдавать позиции не собираемся! Подробный отчет о нашей работе выйдет в сегодняшнем полуденном бюллетене, а пока расскажу вкратце. Согласно данным, полученным в полночь, все начальные школы к востоку от Миссисипи приняли наши рекомендации по составу школьных обедов. Соевые бургеры и восстановленное мясо... – при мысли о соевых бургерах и эрзац-мясе каждого из нас передернуло, – поставляются в контейнерах зеленого цвета, того же оттенка, что и упаковки продукции «Юниверсал». Однако конфеты, мороженое и детские сигаретки поступают в школы в красочных обертках с преобладанием красного, цвета «Старрзелиус». Когда эти дети вырастут... – Бен поднял глаза от своих заметок и торжественно закончил: – По нашим подсчетам, через пятнадцать лет, начиная с сегодняшнего дня, «Юниверсал» потерпит полный крах и ее продукция исчезнет с рынка!

Он сел под гром аплодисментов. Хлопал и Шокен, обводя нас сияющим взглядом. Я подался вперед и придал лицу Выражение Номер Один: энергия, решимость, готовность действовать. Однако не стоило трудиться: Шокен ткнул пальцем в соседа Уинстона, Харви Брюнера.

– Нет нужды объяснять вам, джентльмены, – начал Брюнер, надувая впалые щеки, – что у отдела психологии рекламы свои сложности. Могу поклясться, наше правительство битком набито консами! Знаете, что они устроили? Запретили использовать в звуковой рекламе ультразвуковые частоты, действующие на подсознание! Но мы их обошли: составили список слов-триггеров, привязанных ко всем основным травмам и неврозам современного американца. Они послушались болванов, помешанных на безопасности, и запретили проецировать рекламу на окна велосипедов. Но и тут мы нанесли ответный удар! Из наших лабораторий сообщают, – Брюнер кивнул в сторону директора отдела науки, – что скоро начнутся испытания новой визуальной системы, способной проецировать рекламу непосредственно на сетчатку глаза! Причем это еще не все! Мы движемся вперед семимильными шагами. Как пример приведу нашу работу с напитком кофизест...

Тут он замолчал, а затем спросил полупшепотом:

– Извините, мистер Шокен, наша служба безопасности проверяла конференц-зал?

Фаулер Шокен кивнул:

– Здесь чисто. Ничего, кроме обычных «жучков» от Госдепартамента и Палаты представителей. И, разумеется, все они «пишут» заранее подготовленную нами запись.

– Так вот, кофиэст, – расслабившись, продолжал Харви. – Рекламные образцы распространяем в пятнадцати ключевых городах. Предложение обычное: запас кофиэста на тридцать недель, тысячу долларов наличными и недельный отдых на Лигурийской Ривьере для всех участников. Но – и это, по моему скромному мнению, делает нашу кампанию поистине гениальной – в каждой порции кофиэста содержится три миллиграмма простого алкалоида. Здоровью не вредит, но создает зависимость. Десять недель употребления – и потребитель у нас на крючке до конца жизни! Лечение будет стоить не меньше пяти тысяч баксов, так что проще и дешевле перейти на кофиэст: три чашки за завтраком, три за обедом, три за ужином и кружечку перед сном.

Фаулер Шокен просиял, а я снова нацепил на лицо Выражение Номер Один. Следующей за Харви сидела Тильди Мэтис, заведующая отделом копирайтинга, подобранная на эту должность самим Шокеном, однако женщинам Шокен на совещаниях слова не давал. А следом за Тильди сидел я.

Я уже составлял в уме первые фразы своего доклада, когда Фаулер Шокен с улыбкой покачал головой:

– Доклады всех отделов сегодня выслушивать не будем, мало времени. Главное, джентльмены, я получил ответ на свой вопрос – и этот ответ мне по душе. До сих пор вы смело встречали любой вызов. Верю, что не подведете и сейчас.

Он нажал кнопку на панели монитора и повернулся в своем вращающемся кресле. Свет в зале погас; проекция полотна Пикассо за спиной у Шокена поблекла, обнажив крапчатую поверхность экрана. На экране начало проступать другое изображение.

Эту картину я уже видел сегодня – утром, в новостях, над зеркалом для бритья.

Тысячефутовый монстр, уродливый отпрыск стройных «Фау-2» и приземистых лунных ракет прошлого: космический корабль для отправки на Венеру. Вокруг него высились стальные и алюминиевые леса: по ним ползали крохотные фигурки, и в руках у них вспыхивали совсем крошечные голубовато-белые огоньки сварочных аппаратов. Очевидно, мы смотрели запись: так выглядела ракета несколько недель назад. Сейчас, судя по новостям, она была вполне закончена и готова к полету.

– Этот корабль понесет человечество к звездам! – торжественно, но не слишком точно сообщил громоподобный голос из динамиков.

Бесплотный голос я узнал: он принадлежал диктору из отдела звуковых эффектов. Да и происхождение текста опознавалось безошибочно. Вечно Тильди Мэтис набирает к себе в отдел безграмотных девиц, не способных отличить планету от звезды!

– Современный Колумб поведет этот корабль через океан пустоты, – продолжал диктор. – Шесть с половиной миллионов тонн стали и укрощенных молний: ковчег для восемнадцати сотен мужчин и женщин, готовых сделать новый мир своим домом. Кто же решится на это? Кто те счастливые первопроходцы, кому предстоит сделать плодородные земли нового мира своим владением? Знакомьтесь: супружеская чета, двое бесстрашных...

Диктор вещал дальше, а ракета на экране поблекла, уступив место просторному жилому отсеку в пригороде. Раннее утро. Отец убирает в стену кровать и складывает ширму, отгораживающую детскую, мать раздвигает стол и набирает на пищевом автомате код завтрака. За соком и детской кашей (и, разумеется, перед тремя дымящимися чашками кофиэста на первом плане) семья говорит о том, как смело и мудро они поступили, взяв билеты на Венеру. И под заключительный вопрос младшенького: «Мама, мама, а когда я вырасту, мы с моими маленькими сыночками и доченьками тоже полетим на Венеру?» – трогательная семейная сцена сменяется

впечатляющими панорамными снимками Венеры будущего, тех далеких лет, когда вырастет этот малыш: изумрудные долины, хрустальные озера, белоснежные горные вершины.

Того, что на Венере нет воды, что ее атмосфера непригодна для дыхания, что от зеленых долин и горных озер первопроходцев отделяют десятилетия жизни в герметически закрытых клетушках и на гидропонике, диктор не отрицал, но особенно на этом не задерживался.

С началом ролика я инстинктивно нажал на часах кнопку таймера. Когда ролик закончился, взглянул на циферблат: девять минут! В три раза дольше, чем разрешено законом, – и на одну минуту дольше наших обычных рекламных роликов.

Лишь после того, как зажегся свет, все потянулись за сигаретами, а Фаулер Шокен снова заговорил, я начал понимать, как такое стало возможно.

Свою новую речь Фаулер начал, как принято в нашем деле – издав далеко. Заговорил об истории рекламного бизнеса, о том, какой долгий путь прошла реклама: от простых, написанных от руки объявлений о продаже готовых товаров до нынешних рекламных империй, тех, что создают новые области производства и переделывают мир под свои коммерческие нужды. Снова упомянул и о славном пути нашей компании, «Фаулер Шокен ассошиэйтед». И наконец сказал:

– Джентльмены, есть старинное изречение: «Пусть устрицей мне будет этот мир!»¹ Так вот, мы съели эту устрицу. Да, съели, – повторил он, старательно гася окурок в пепельнице. – Мы покорили весь мир – буквально, и теперь, подобно Александру Македонскому, скорбим о том, что нет иных миров, чтобы завоевать и их. А здесь, – Шокен махнул рукой в сторону экрана у себя за спиной, – здесь раскинулся перед нами первый из этих новых миров!

Вы уже, наверное, поняли, что я терпеть не могу Мэтта Ранстеда. Мерзкий проныра, всюду сует свой нос. Подозреваю, что он расставил «жучки» даже у нас в компании. И, должно быть, о проекте «Венера» узнал заблаговременно – трудно поверить, что его патетическая речь была порождена приливом вдохновения. Мы все еще переваривали слова Фаулера Шокена, а Ранстед уже вскочил на ноги.

– Джентльмены, – вскричал он, – это поистине гениальный замысел! Не просто Индия, не просто новый континент – нет, целая планета на продажу! Приветствую вас, Фаулер Шокен – Клайв², Боливар³, Джон Джекоб Астор⁴ нового мира!

Как я и сказал, Мэтт успел первым, но за ним и все мы вскочили на ноги, восклицая примерно то же самое.

Вскочил и я. Ничего сложного, если тренируешься много лет. Кэти никогда этого не понимала, а я объяснял ей шутя, что это что-то типа религиозного ритуала: вроде как разбить о борт корабля бутылку шампанского или принести в жертву девственницу, чтобы посевы лучше росли. Впрочем, даже в шутках я старался не заходить слишком далеко. Вряд ли кто-нибудь из нас (быть может, кроме Мэтта Ранстеда) согласился бы подсаживать людей на наркотик только ради наживы. Но сейчас, гипнотизируя друг друга собственными возгласами, все мы чувствовали, что в самом деле готовы на любую жертву ради Святых Продаж.

Не поймите меня превратно: мы не преступники. Харви же пояснил, что алкалоиды в кофизесте совершенно безвредны!

Когда все высказались, Фаулер Шокен нажал другую кнопку и показал нам план работы – обстоятельно, пункт за пунктом. Листал перед нами таблицы, графики, диаграммы, поступаю-

¹ Слова разбойника Пистолы из комедии У. Шекспира «Виндзорские насмешницы» (прим. пер.).

² Роберт Клайв (1725–1774) – английский генерал, утвердивший господство Британской Ост-Индской компании в Индии (прим. пер.).

³ Симон Боливар (1783–1830) – руководитель Войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, национальный герой Венесуэлы (прим. пер.).

⁴ Джон Джекоб Астор (1763–1848) – первый американский multimillioner, основатель клана Асторов, внесший существенный вклад в освоение территории США (прим. пер.).

щие в ведение нового отдела «Фаулер Шокен ассошиэйтед» – отдела, который будет заниматься освоением и эксплуатацией Венеры. Рассказал о долгих переговорах с сенаторами, о закулисных сделках, давших нам эксклюзивное право на богатства планеты, – тут я начал понимать, почему он рассчитывает выйти сухим из воды с девятиминутной рекламой. Объяснил, что правительство (кстати, странно, что мы по-прежнему думаем и говорим об этой бирже сделок и взаимных услуг как об отдельном институте, наделенном собственной волей) хочет видеть Венеру американской планетой и обращается ради этого к истинно американскому искусству – рекламе. Своим энтузиазмом Шокен заразил и нас. Я слушал и завидовал тому счастливчику, что возглавит отдел Венеры: такой работой любой из нас мог бы только гордиться.

Рассказал Фаулер и о проблеме с сенатором от «Дюпон кемикалз» и его сорока пятью голосами, и о том, как легко удалось справиться с сенатором от «Нэш-Келвинейтор», обладателем всего шести голосов. С гордостью поведал, как организовал фальшивую акцию консов против самого себя – и тем склонил на свою сторону министра внутренних дел, фанатичного антиконсервациониста. Визуальный отдел подготовил прекрасную презентацию, однако нам понадобился почти час, чтобы выслушать рассказ Фаулера и разобраться в планах и графиках.

Наконец Фаулер выключил проектор.

– Теперь вы знаете все. Вот наша новая кампания – и начнем мы ее немедленно. Прямо сейчас. Сделаю лишь еще одно объявление, а потом за работу!

Фаулер Шокен знает, как держать интерес аудитории. Неторопливо, очень неторопливо достал он листок бумаги и зачитал одну фразу – фразу, которую любой, самый мелкий клерк из отдела копирайтинга мог бы произнести и без шпаргалки.

– Руководителем отдела Венеры, – прочитал он, – назначаю Митчелла Кортни!

Вот так сюрприз! Ведь Митчелл Кортни – это я.

Глава вторая

Пока остальные члены правления расходились по своим кабинетам, я на несколько минут задержался у Фаулера. Прошло еще несколько секунд, пока лифт доставил меня из конференц-зала вниз, в мой кабинет на восемьдесят шестом этаже. Так что, когда я вошел, Эстер уже собирала вещи со стола.

– Поздравляю, мистер Кортни! – воскликнула она. – Теперь вы переезжаете на восемьдесят девятый. Вот здорово! У меня тоже будет отдельный кабинет!

Я поблагодарил ее и снял телефонную трубку. Прежде всего следовало собрать сотрудников и передать бразды правления отделом Тому Гиллеспи, моему заместителю. Впрочем, сначала я позвонил Кэти.

И снова она не взяла трубку.

Так что я собрал ребят и объявил о своем повышении. Провожали меня с подобающей грустью, но и с нескрываемой радостью – ведь теперь каждый из моих подчиненных тоже продвигался по служебной лестнице.

Было время обеда, и все вопросы по Венере я решил отложить до конца перерыва.

Я позвонил еще раз, затем наскоро перекусил в кафетерии компании, спустился на лифте в подземку и проехал шестнадцать кварталов на юг. Здесь, впервые за сегодняшний день, вышел на открытый воздух – и сразу потянулся за носовыми заглушками, однако, подумав, надевать их не стал. Моросил дождь, так что дышать можно было и открытым носом. Стояло лето, жаркое и влажное; по тротуарам сновали толпы народу, всем, как и мне, срочно требовалось куда-то попасть. Я плечом проложил себе путь через толпу, пересек улицу и вошел в здание.

Лифт доставил меня на четырнадцатый этаж. Дом был старый, система кондиционирования не отлаженная, и в мокром костюме меня пробила дрожь. На секунду я задумался о том, чтобы отказаться от заранее приготовленной легенды и сослаться на озноб, но решил, что лучше не стоит.

Я вошел в офис. Девушка в накрахмаленном белом халате подняла голову.

– Моя фамилия Силвер, – сказал я. – Уолтер П. Силвер. Я по записи.

– Да, мистер Силвер. Вы говорили, что случай у вас неотложный, что-то с сердцем.

– Совершенно верно. Не знаю, конечно, может быть, это что-то психосоматическое...

– Да, разумеется. – Она указала мне на стул. – Доктор Нейвин примет вас через пару минут.

Однако прошло десять минут. Сначала из кабинета вышла девушка, за ней вошел мужчина, ожидавший в очереди, и только после него медсестра объявила:

– Мистер Силвер, пожалуйста!

Я вошел. Кэти в белом докторском халате, строгая и очень красивая, сидела за столом и заполняла карточку пациента. Она подняла голову.

– Это ты?!

И ни малейшей радости в ее голосе не слышалось.

– Я соврал только в одном, – сказал я. – Назвался другим именем. Случай действительно неотложный – и связанный с моим сердцем.

Тень улыбки мелькнула у нее на лице, но растаяла, так и не достигнув губ.

– Это не медицинский случай.

– Я сказал твоей девушке в приемной, что, возможно, это психосоматика. Она ответила, что я все равно могу войти.

– Послушай, Митч, я не могу с тобой встречаться в рабочее время! Теперь, пожалуйста...

– Кэти, – заговорил я, присаживаясь напротив, – ты, похоже, не можешь со мной встречаться в любое время суток. В чем проблема?

– Никакой проблемы. Пожалуйста, Митч, уходи. Я врач, меня ждут пациенты.

– Никто тебя сейчас не ждет. А я звонил тебе все утро. И весь вчерашний вечер.

Кэти достала сигарету и закурила, не глядя на меня.

– Меня не было дома.

– Это я понял. – Наклонившись вперед, я взял у нее сигарету и затянулся. Она поколебалась, затем пожала плечами и вытащила другую. – Видимо, я не имею права спрашивать, где проводит время моя жена?

Кэти вспыхнула.

– Черт бы тебя побрал, Митч! Ты прекрасно знаешь...

Тут зазвонил телефон. На миг Кэти крепко зажмурилась, а потом сняла трубку – и в мгновение ока превратилась во врача, спокойного, профессионального и собранного.

Успокоив пациента, она снова повернулась ко мне. Телефонный разговор не продлился и минуты, но теперь Кэти полностью владела собой.

– Пожалуйста, уходи, – попросила она, затушив сигарету в пепельнице.

– Сначала скажи, когда мы увидимся.

– Я... у меня нет на тебя времени, Митч. И я тебе больше не жена. У тебя нет права меня преследовать. Я подам жалобу, тебе выпишут запрет на приближение ко мне или арестуют.

– В глазах закона я все еще женат, – напомнил я.

– А я – нет. Свое свидетельство о браке я сдала. И как только закончится год, Митч, мы с тобой распрощаемся.

Попробую зайти с другой стороны, сказал я себе. Кэти всегда отличалась любопытством.

– Я хотел рассказать тебе кое-что важное!

Я не просчитался. Наступило долгое молчание.

– И что же?

– Кое-что действительно грандиозное, – ответил я. – То, что стоит отпраздновать. Не буду скрывать, для меня это повод с тобой увидеться. Но не только. Пожалуйста, Кэти! Я очень тебя люблю – и обещаю не устраивать сцен.

– Н-нет, – отозвалась Кэти. Но я видел, что она колеблется.

– Пожалуйста!

– Ну... – Пока она размышляла, снова зазвонил телефон. – Хорошо, зайди ко мне домой. В семь. А теперь иди, меня ждут больные.

И сняла трубку, не удостоив меня даже взглядом на прощание.

Когда я вошел, Фаулер Шокен сгорбился над столом, погруженный в изучение последнего выпуска «Еженедельника Таунтон». Журнал мерцал и переливался ярчайшими красками: казалось, молекулы типографской краски на его обложке захватывают горстями световые частицы, а затем многоцветным фонтаном выплескивают их обратно в мир.

– Митч, – обратился ко мне Фаулер, помахав сияющим журналом, – что ты об этом скажешь?

– Дешевка, – не задумываясь, ответил я. – Если мы когда-нибудь опустимся до того, чтобы, как «Таунтон ассошиэйтед», спонсировать журналы – немедленно уволюсь.

– Хм...

Шокен перевернул журнал; сияющая обложка сверкнула в последний раз и погасла.

– Верно, трюк дешевый, – задумчиво произнес он. – Хотя надо отдать им должное – действенный. Мне нравится их изобретательность. Каждую неделю рекламу «Таунтона» видят шестнадцать с половиной миллионов читателей. И все становятся его клиентами! Надеюсь, насчет увольнения ты говорил не всерьез. Дело в том, что я только что поручил Харви разработать концепцию нового журнала «Шок». Первый номер выйдет осенью, тиражом в двадцать

миллионов. Нет-нет, – он поднял руку, милостиво прерывая мой сбивчивый поток извинений и объяснений, – не нужно извиняться, Митч. Понимаю, что ты имел в виду. Ты против дешевых рекламных трюков. Я тоже. Таунтон для меня – воплощение всего, что тянет наш бизнес назад и не позволяет ему занять в нашем обществе подобающее место, рядом с церковью, медициной и судом. Нет такого скверного трюка, на который не пойдет Таунтон. Сколько раз ему случалось и подкупать судей, и переманивать чужих служащих! А тебе, Митч, теперь нужно опасаться этого человека.

– Почему? То есть почему именно теперь?

– Да потому что Венеру мы украли у него из-под носа! – довольно рассмеялся Шокен. – Я тебе говорю, Таунтон – человек изобретательный. Ему пришла в голову та же идея, что и мне. И нелегко было убедить правительство, что Венера должна стать нашим детищем!

– Ясно, – ответил я.

В самом деле, мне многое стало понятно.

Наша представительская демократия сейчас, пожалуй, представительна, как никогда в истории. Однако правительство представляет население не столько *ad capita*, сколько *ad valorem*⁵. Если любите философские задачки, вот вам на пробу: верно ли, что голос каждого избирателя должен иметь равную цену, как гласят наши законы, как, по утверждениям некоторых историков, желали основатели нашей страны? Или же голоса избирателей следует различать сообразно их мудрости, весу, влиянию... проще говоря, по тому, сколько у них денег? Для вас, быть может, это вопрос философский, а я прагматик и, что еще важнее, получаю зарплату у Фаулера Шокена.

Однако кое-что меня беспокоило.

– Как вы полагаете, – спросил я, – Таунтон может решиться... э-э... на акции прямого действия?

– Безусловно, он попытается отобрать у нас Венеру, – расплывчато ответил Фаулер.

– Я не об этом. Помните, что случилось с компанией «Антарктик эксплойтейшн»?

– Я там был. Сто сорок погибших с нашей стороны – и бог знает сколько со стороны противника.

– А это ведь всего один континент! Такие вещи Таунтон принимает очень близко к сердцу. За какой-то паршивый континент, покрытый льдом, он начал настоящую войну; что же он сделает из-за целой планеты?

– Нет, Митч, – терпеливо ответил Фаулер, – на такое он не пойдет. Война – это очень дорого. Кроме того, мы не даем ему оснований – таких, на которые можно сослаться в суде. И в-третьих... пусть только попробует – мы прищемим ему хвост!

– Да, пожалуй, – ответил я, слегка приободрившись.

Не подумайте дурного: я – верный сотрудник «Фаулер Шокен ассошиэйтед». С юных лет стремлюсь жить, как учили меня в колледже, «ради Компании, ради Святых Продаж». Но индустриальные войны – штука невеселая, даже в нашей профессии. Всего несколько десятилетий назад в Лондоне одно шустрое агентство объявило войну корпорации «Бартон, Бартон, Дерби и Осборн» – и так энергично взялось за дело, что в живых остались только двое Бартонов и один малолетний Осборн. А на ступенях Главпочтамта, говорят, до сих пор видны пятна крови, оставшиеся с тех времен, когда «Юнайтед парселс» и «Американ экспресс» спорили за контракт на перевозку почты.

– Вот еще на что стоит обратить внимание, – снова заговорил Шокен. – На политиканов. Такого рода проекты притягивают их как магнит. Все наши популисты и крикуны, от консов до

⁵ Ad capita – «по головам», ad valorem – «по стоимости» (от наименования пошлины, взимаемой в виде процента с цены товара) (лат.).

республиканцев, непременно захотят высказаться, за или против. Постарайся, чтобы все были за: может, они и психи, но смогут привлечь к нам людей.

– Даже консы? – воскликнул я.

– Нет-нет! Разумеется, я не про них. Я про нормальных, добропорядочных психов. Гм... – Шокен задумчиво кивнул; его белоснежная седина блестела в электрическом свете. – Пожалуй, распусти-ка ты слух, что полеты в космос глубоко противны идеям консервационизма. Потребляют слишком много топлива, ухудшают стандарты жизни... ну, придумаешь сам. Например: при производстве ракетного топлива используются органические материалы, которые консы считают нужным пускать на удобрения...

Приятно смотреть на профессионала за работой! С места в карьер Фаулер Шокен набросал схему будущей кампании: мне осталось только доработать детали. Отличная мысль: использовать в наших интересах консервационистов – фанатиков, уверяющих, что современная цивилизация якобы уничтожает Землю! Чушь собачья. Там, где истощаются природные ресурсы, на помощь приходит наука. Когда настоящего мяса стало не хватать, у нас уже были соевые бургеры. Когда истощились запасы нефти, мы изобрели велотакси.

Я и сам в молодости отдал дань консервационистским заблуждениям. Теперь вспоминаю об этом с улыбкой. Все их аргументы сводятся к одному: надо жить в согласии с Природой! Глупость несусветная. Если бы «Природа» хотела, чтобы мы ели свежие овощи, к чему ей снабжать нас витамином Р и аскорбиновой кислотой?

Еще минут двадцать я слушал вдохновенную речь Фаулера Шокена и вышел из его кабинета с тем же чувством, что не раз и прежде. Шеф объяснил мне все, что надо знать. Дал все необходимые указания – мне осталось только их выполнить.

Правда, детали за мной. Ничего, свое дело я знаю туго.

Мы хотим, чтобы американцы колонизировали Венеру. Для этого требуются три вещи:

- 1) Колонисты.
- 2) Способ доставить колонистов на Венеру.
- 3) План работы, когда они туда прилетят.

В колонистах недостатка не будет благодаря рекламе. Девятиминутный ролик Шокена – отличный первый шаг: в том же духе мы построим всю кампанию. Потребителя всегда легко убедить, что там, где нас нет, трава зеленее. Я уже набросал примерный план кампании – простой, эффективный и с достаточно скромным бюджетом. Пусть денег у нас хватает – не стоит бросать их на ветер.

Второе – лишь отчасти наша проблема. Космические корабли строят «Республиканская авиация», «Телефонная компания Белла» и «Ю.С. Стил» – насколько я понимаю, по контракту от министерства обороны. Наша задача – не в том, чтобы сделать перелет на Венеру возможным, а в том, чтобы примирить население с неизбежными при этом затратами и стеснениями. Допустим, ваша жена узнает, что сгоревший тостер нечем заменить, поскольку весь нихром, из которого изготавливаются его детали, ушел на двигатель венерианской ракеты. Или какой-нибудь неизбежный ворчун-конгрессмен от мелкой никчемной фирмочки, из тех, что всегда против, трясся над головой цифрами и графиками, заявляет, что правительство выбрасывает кучу средств и ресурсов на очередной безумный проект. Тут-то и начинается наша работа! Жену нам предстоит убедить, что ракеты важнее тостеров, а фирму, которую представляет конгрессмен, – что его тактика непопулярна и может лишить владельцев прибыли.

Начать кампанию под девизом «затянем пояс»? Эту мысль я тут же отверг: пострадают другие наши интересы. А как насчет нового религиозного движения – благоговейного поклонения далекой планете для восьмисот миллионов людей, которые сами туда не попадут?

Пожалуй, об этом стоит потолковать с Брюнером. И дальше на очереди пункт три: чем занять колонистов, когда они попадут на Венеру?

Вот что больше всего интересует Фаулера Шокена. Деньги правительства, которыми будет оплачена кампания, – полезное дополнение к нашему ежегодному бюджету; однако не таков Фаулер Шокен, чтобы вести кампании ради разового выигрыша. Он смотрит дальше и мыслит глубже. Нам необходим собственный индустриальный комплекс на Венере; необходимы колонисты – и их дети, и дети их детей, – навеки причисленные к нашей пастве. Разумеется, Фаулер стремится повторить здесь, в большем масштабе, успех «Индиастрии». Он уже превратил всю Индию в один гигантский картель. Все, что там производят – каждую плетеную корзину, каждый слиток иридия, каждую порцию опиума, – продают через «Фаулер Шокен». И доход идет именно «Фаулер Шокен», никому иному. А теперь он хочет сделать то же самое с Венерой.

И вправду великий проект – на него не жаль потратить все доллары мира! Новая планета, размером с Землю, по имеющимся данным, богатая, как Земля, и вся, до последнего микрона и миллиграмма, наша!

Я взглянул на часы. Свидание с Кэти у меня в семь, а сейчас уже около четырех. Времени в обрез. Я позвонил Эстер, распорядился заказать мне билет на ближайший рейс до Вашингтона, а затем набрал номер человека, имя которого назвал мне Фаулер. Джек О’Ши, единственный, кто уже побывал на Венере. Голос его звучал молодо и звонко; он согласился со мной встретиться.

На взлетной полосе в Вашингтоне пришлось проторчать лишних пять минут: у рамок шла какая-то суета. Вокруг самолета сновали гвардейцы «Бринк экспресс», их командир у каждого выходящего пассажира проверял документы. Когда очередь дошла до меня, я спросил, что здесь происходит. Он задумчиво взглянул на мое удостоверение личности с коротким идентификационным номером, а затем отдал честь:

– Прошу прощения за беспокойство, мистер Кортни. Консы устроили теракт возле Топики. Нам поступила информация, что террорист летит на нью-йоркском рейсе, прибывающем в 16.05. Похоже, деза.

– А что взорвали на этот раз?

– Отдел сырьев «Дюпона» – если вы в курсе, у нас с ними контракт на охрану их заводов, – открыл под каким-то кукурузным полем в тех краях новое месторождение угля. И вот на торжественном открытии шахты, едва гидравлический проходческий комбайн начал вгрызаться в пахотный слой, кто-то из толпы швырнул бомбу. Водителя комбайна, его помощника и вице-президента компании убило на месте. Приметы бомбиста запомнили, так что поймать его – дело нескольких дней.

– Удачи, лейтенант, – ответил я и поспешил в аэропорт, в комнату отдыха.

О’Ши уже ждал меня – сидел у окна в явном нетерпении, но просиял улыбкой, когда я извинился.

– Такое с каждым могло случиться, – заметил он и, закинув одну коротенькую ногу на другую, подозвал официанта.

Мы сделали заказ; затем О’Ши откинулся на стуле и произнес:

– Ну, что скажете?

Я посмотрел на него – сверху вниз, затем в окно. К югу от аэропорта мигала разноцветными огнями верхушка гигантской колонны мемориала Рузвельта; за ней виднелся крохотный невзрачный купол древнего здания Капитолия. Как истинный рекламщик я никогда за словом в карман не лез, но сейчас не знал, с чего начать.

О’Ши явно наслаждался моим замешательством.

– Так что же? – повторил он с усмешкой. Было очевидно, что это означает: «Приятно вам, важным господам, бегать за простым парнем вроде меня?»

Я решил идти напролом:

– Каково там, на Венере?

– Песок и пыль, пыль и песок, – не раздумывая, ответил О’Ши. – Разве вы не читали мой доклад?

– Читал, разумеется. Но хочу знать больше.

– Все есть в докладе. Боже правый, когда я вернулся, меня три дня допрашивали!

– Я о другом, Джек, – ответил я. – Кому нужны доклады? У меня в отделе исследований пятнадцать человек заняты только тем, что готовят выжимки из докладов, чтобы мне не приходилось читать их самому. Я хочу узнать нечто большее. Хочу *ощутить* Венеру. Понять, почувствовать, каково там. А это можно узнать только у вас – ведь вы единственный, кто там был.

– И иногда об этом жалею, – устало ответил О’Ши. – Что ж, с чего начать? Откуда я взялся, вы знаете: я единственный в мире лилипут с лицензией пилота. О корабле тоже знаете все. Видели доклады об исследовании привезенных мною образцов почвы и минералов. Не то чтобы они о чем-то говорили. Я ведь приземлялся только в одном месте. Может, в пяти милях оттуда геология уже совсем другая.

– Это все мне известно. Послушайте, Джек, давайте так. Предположим, вы хотите уговорить людей – множество людей – полететь на Венеру. Что вы им скажете?

– Навру с три короба! – рассмеялся он. – Ладно, выкладывайте начистоту. Что вы задумали и зачем вам я?

И я рассказал ему о планах «Шокен ассошиэйтед». Говорил и говорил, а он смотрел на меня круглыми детскими глазами на круглом личике. В чертах лица у лилипутов есть какая-то фарфоровая хрупкость и нежность, как будто природа, отказав им в росте, взамен этого награждает изяществом, совершенством черт, для обычных людей недоступным. Он потягивал свой напиток; я между делом отхлебывал свой.

Наконец я закончил речь, но по-прежнему не знал, на моей ли он стороне, а с ним это было важно. Джек О’Ши – не марионетка из госслужбы, которую Фаулер Шокен ловко дергает за ниточки. И не простой гражданин, которого можно подкупить какой-нибудь дешевой мишурой. Верно, Фаулер помог ему капитализировать славу первопроходца: организовывал издания книг, выступления, лекции, так что теперь Джек О’Ши немного нам обязан. Самую малость. Не более того.

– Я хотел бы вам помочь, – сказал он наконец, и дальше разговор пошел куда легче.

– Вы в состоянии нам помочь, – заверил я. – Ради этого я и прилетел. Скажите, что может предложить человеку Венера?

– Почти ничего, – ответил он, и гладкий фарфоровый лоб прорезала морщина. – С чего мне начать? Рассказать вам об атмосфере? Свободный формальдегид – знаете, то вещество, которое используют при бальзамировании. Или о климате? Средняя температура выше точки кипения воды – если бы на Венере была вода. Но ее там нет. А если и есть, то недоступна. Или о ветре? Меня несло над поверхностью Венеры со скоростью восемьсот километров в час.

– Нет, не совсем, – ответил я. – Для всех этих проблем мы уже ищем решения. Я хочу *почувствовать*, хочу понять, что вы ощутили, оказавшись там. О чем думали, как реагировали. Просто говорите. Говорите обо всем. Я скажу, когда услышу то, что хочу знать.

О’Ши задумался, прикусив бледно-розовую губу.

– Что ж, – сказал он наконец, – тогда давайте начнем с самого начала. Закажем еще по одной?

Подошел официант, принял заказ и вернулся с напитками. Некоторое время Джек молчал, барабанил пальцами по столу, потягивая рейнвейн с сельтерской. А потом заговорил.

Начал он действительно с самого начала – и к лучшему. Я хотел уловить душу события, то ускользающее субъективное чувство, что стояло за сухими строками его отчетов о полете на Венеру. Хотел поймать то, что придаст нашему проекту убедительность и силу.

Джек рассказывал о своем отце, двухметровом плечистом химике-технологе, и о матери, пухлой домохозяйке. Слушая его, я ощутил и горе его родителей, и их разочарование, и непреклонную, беззаветную любовь к крошке-сыну, не доросшему и до метра. В одиннадцать лет перед ним впервые встал вопрос взрослой жизни и выбора профессии. Он помнил, как вытянулись лица родителей при первом его предложении, сделанном вскользь, с равнодушной миной, – неизбежном предложении подумать о цирке. К их чести, больше эта тема в семье не поднималась. Родители знали, что Джек хочет стать летчиком-испытателем, и принесли ради этого немалые жертвы. Они всегда поддерживали сына. Ни стоимость учебы, ни насмешки, ни унижительные отказы в одной летной школе за другой – ничто их не останавливало.

Разумеется, Венера окупилась все.

Создатели космического корабля для полета на Венеру столкнулись с серьезной проблемой. Отправить ракету на Луну, за триста восемьдесят тысяч километров от Земли, оказалось не так уж сложно; теоретически ненамного сложнее было бы и запустить корабль через пространство на соседнюю планету. Вопрос заключался в орбитах и сроках полета, в том, как управлять кораблем и как привести его назад. Вот это обернулось задачей потруднее.

Можно запустить корабль напрямик на Венеру так, что через несколько дней он попадет на место, – вот только потребуется столько топлива, сколько хватило бы на десять межпланетных перелетов. Можно плыть по орбите, словно дрейфуя по реке, выжидая, когда орбиты двух планет максимально сблизятся: это экономит топливо, но растянет путешествие на несколько месяцев. А за восемьдесят дней человек съедает вдвое больше, чем весит сам, вдыхает в девять раз больше своего веса и выпивает столько воды, что в ней мог бы плавать рыбацкий катер.

Возникает резонный вопрос: что, если очищать воду от продуктов распада и использовать вторично, если делать то же самое с воздухом и с едой? Увы. Необходимое для этого оборудование будет весить больше, чем воздух, еда и вода вместе взятые. Так что пилот-человек отпадает.

И команда конструкторов начала работу над автоматическим пилотом. Робот был изготовлен – и справлялся очень неплохо. Увы, несмотря на миниатюрность его контактов и реле, весил он четыре с половиной тонны.

Конструкторы уже готовы были опустить руки, как вдруг кому-то пришла гениальная мысль: самый совершенный сервомеханизм – пилот-лилипут двадцати пяти килограммов весом! Джек О'Ши весит втрое меньше обычного человека – значит, втрое меньше съедает и втрое меньше потребляет кислорода. Ему хватит обычных очистителей воздуха и воды, низкоэффективных, зато легких и компактных. Вместе со всем необходимым снаряжением Джек уложился в лимит веса – и заслужил себе неувядающую славу.

– Меня воткнули в ракету, словно палец в перчатку, – рассказывал он, вздыхая; от двух бокалов вина малыш Джек слегка опьянел. – Вы, наверное, представляете себе, как выглядит корабль снаружи. Но знаете, как меня запикивали в кресло пилота? Собственно, никакого это не кресло, а скорее, костюм ныряльщика. Во всем корабле только в этом костюме и был воздух. А вода поступала по трубке прямо мне в рот. Все ради экономии веса.

В этом костюме Джек провел восемьдесят дней. Костюм кормил его, подавал воду, удалял углекислый газ и отходы жизнедеятельности. При необходимости мог вколоть новокаин в сломанную руку, пережать поврежденную бедренную артерию, накачать воздух в разорванное легкое. словно во чреве матери – только в чертовски неудобном чреве.

Тридцать три дня в костюме туда, сорок один день обратно. И шесть дней между ними – оправдание всей этой авантюры.

Сажать корабль Джеку пришлось вслепую. Плотные газовые облака, закрывающие планету, не позволяли ничего увидеть и сбивали с толку радары. Лишь в тысяче футов от Земли он сумел разглядеть под собой что-то, кроме мельтешения желтой пыли. Тогда он сел и выключил двигатели.

– Выйти наружу я, конечно, не смог. Первым человеком, ступившим на землю Венеры, станет кто-то другой. Подозреваю, кто-нибудь, кому не особенно нужно дышать. Зато я первым увидел Венеру.

Он пожал плечами, пробормотал себе под нос крепкое словцо: вид у него был смущенный.

– О том, какова она, мне десятки раз рассказывали на лекциях, но я так и не понял. Думал, это что-то вроде Пейнтед-Дезерт⁶ на Земле. Впрочем, возможно, так и есть: ведь в Пейнтед-Дезерт я тоже не бывал. На Венере дуют ветра. Страшные ветра, разрушающие горы. Скалы из мягкого камня крошатся в пыль: так начинаются пыльные бури. А из тех скал, что потверже, ветер создает удивительные статуи, настоящие монументы самых причудливых форм и расцветок. Таких гор, таких расщелин, как там, невозможно вообразить. Можно подумать, что ты в пещере, хотя там не так темно. Однако свет тоже... необыкновенный. Он оранжевый, как пламя костра. Яркий, очень яркий, какой-то... угрожающий, что ли. Знаете, нечто отдаленно похожее можно увидеть в земных небесах жарким летом, на закате, перед грозой. Только на Венере не бывает гроз – там нет воды. – Поколебавшись, он добавил: – А молнии есть. Много молний. Но ни капли дождя... Не знаю, Митч, – оборвал он себя, – вам вообще все это интересно?

Ответил я не сразу. Сначала взглянул на часы – и отметил, что мне пора на обратный рейс, затем, нагнувшись, выключил спрятанный в портфеле диктофон.

– Вы мне очень помогли, Джек, – ответил я. – Но нам нужно больше. Сейчас мне пора бежать. Скажите, не сможете ли вы на время переехать в Нью-Йорк и со мной поработать? Все, что вы рассказали, я записал на пленку, однако нам понадобятся и визуальные образы. Кое-что наши художники смогут извлечь из привезенных вами фотографий, но этого будет мало. А вы можете сообщить намного больше, чем самый совершенный фотоаппарат. – О том, что наши художники не станут изображать Венеру такой, как есть, я упоминать не стал. – Что скажете?

Джек с видом невинного ангелочка откинулся на стуле, пару минут истязал меня рассказом о своем напряженном графике на ближайшие несколько недель и наконец согласился. Выступление в «Шрайнерс» можно и отложить, сказал он, а с «литературными неграми» ничто не мешает встречаться не в Вашингтоне, а в Нью-Йорке. Мы договорились встретиться завтра. Громкоговоритель объявил о прибытии моего самолета.

– Я вас провожу. – Джек соскочил со стула и бросил на стол купюру для официанта.

Вместе мы прошли по узким коридорам и вышли на взлетное поле. Вокруг слышались охи и ахи: многие узнавали Джека. Он шагал, выпятив грудь и ухмыляясь во весь рот. На поле было уже почти темно; в свете городских огней чернели мощные силуэты самолетов. От грузового терминала неторопливо летел в нашу сторону грузовой вертолет, огромный пятидесятитонник: алюминиевая корзина у него под брюхом ярко блестела, отражая огни внизу. Вертолет был всего в каких-нибудь пятнадцати метрах над нами: мне пришлось придержать шляпу, чтобы ее не снесло ветром.

– Чертовы водилы! – проворчал Джек, поднимая глаза на вертолет. – Почему для них не сделают отдельную взлетную полосу? Только из-за того, что у вертолета хорошая маневренность, эти лихачи считают, что могут летать где угодно. Если бы я так вел самолет, я бы... Берегитесь! – отчаянно закричал он вдруг.

И изо всех сил толкнул меня своими маленькими ручками в спину. Толчок был такой силы, что я невольно пробежал несколько шагов вперед. Затем обернулся в недоумении, не понимая, что происходит.

– Какого чер... – начал я – но не услышал собственного голоса.

⁶ Холмистая пустыня в северной части штата Аризона (США).

Все потонуло в рокоте вертолетного мотора, свисте винта, вспарывающего воздух, а затем – в самом оглушительном грохоте, какой мне когда-либо доводилось слышать. Грузовая корзина вертолета рухнула на бетон в каком-то метре от нас. При падении она разбилась, и упаковки овсяных хлопьев «Старрзелиус» покатались во все стороны.

Один алый цилиндр с хлопьями подкатился к моим ногам. Машинально я его поднял.

Вертолет взмыл вверх и устремился прочь. В какую сторону он полетел, я не заметил.

– Да помогите же им, бога ради! – заорал Джек, дернув меня за руку.

На летном поле мы были не одни. Из-под смятого алюминиевого листа торчала рука с портфелем; сквозь шум в ушах пробивались крики и стоны человеческой боли. Так вот о чем говорит Джек! Корзина упала на людей!.. Он подтащил меня к гуде искореженного металла; вдвоем мы попытались приподнять ее и отодвинуть. Я порвал пиджак и поцарапал руку, прежде чем появились служащие аэропорта, приказали нам отойти и взялись за дело сами.

Дальше – провал в памяти: помню уже, как сижу у стены терминала на чем-то чемодане, а Джек О'Ши что-то взволнованно мне говорит. Помню, он ругал вертолетных пилотов – бездарей и неучей, ругал меня за то, что я не видел, как открылись блокираторы, и стоял как дурак, когда он кричал мне бежать. И еще много всякой всячины. Помню, как он выхватил и отбросил в сторону упаковку хлопьев, которую я машинально сжимал в руке. Прежде психологи не замечали за мной робости или излишней чувствительности; однако теперь я был в шоке – и оставался в шоке, когда Джек сажал меня в самолет.

Помню, как стюардесса сообщила, что на летном поле погибли пятеро, раздавленные алюминиевой корзиной. Тут я снова начал что-то соображать. Но это было уже на полпути в Нью-Йорк. А до того единственное, что помнил, единственное, что казалось мне важным, были слова Джека – слова, которые он повторял снова и снова, с гневом и горечью на фарфоровом личике:

– Слишком много людей, Митч. Чертовски много людей! Так что я с вами. Нам нужно больше места, Митч. Нужен простор. Нужна Венера.

Глава третья

Кэти жила в Бенсонхерсте, ближе к центру, в не слишком большой удобной квартире. Обстановка в ней скромная, но уютная, очень домашняя: кому об этом знать, как не мне? Я нажал на кнопку звонка под табличкой «Доктор Нейвин» и улыбнулся, когда Кэти открыла дверь.

Увы, она не улыбнулась в ответ, а лишь сказала:

– Ты опоздал, Митч.

И еще:

– Я думала, ты сначала позвонишь.

Я вошел в квартиру и сел.

– Опоздал, потому что едва не погиб, а не позвонил, потому что опаздывал. Такое объяснение тебя устраивает?

Она задала вопрос, на который я надеялся, и я рассказал, как несколько часов назад оказался на волосок от смерти.

Кэти настоящая красавица. Лицо у нее милое и приветливое, безупречно уложенные волосы выкрашены в два оттенка светлого блонда. Даже когда она серьезна, в ее глазах прячется улыбка. Много раз я всматривался в ее лицо – и сейчас, рассказывая, как чудом разминаясь с грузом овсяных хлопьев, не спускал с нее глаз, силясь прочесть мысли.

В целом зрелище меня разочаровало. Без сомнения, Кэти обо мне встревожилась. Однако сердце ее открыто сотне людей – и на ее лице я не заметил ни следа тревоги большей, чем если бы речь шла о жизни любого старого знакомого.

Так что я перешел к другой важной новости: о проекте «Венера» и о том, что им руковожу я.

Эту новость она восприняла куда лучше: изумилась, и обрадовалась, и издала радостный возглас, и даже поцеловала меня от избытка чувств. Но когда я поцеловал ее в ответ (об этом я мечтал несколько месяцев), Кэти отстранилась и перешла на другой конец комнаты, будто бы для того, чтобы заказать в пищевом автомате напитки.

– Ты заслужил угощение, Митч, – сказала она. – По меньшей мере шампанское. Митч, милый, новость просто чудесная!

Я не мог упустить такой шанс.

– А что, если нам отпраздновать мое повышение? По-настоящему отпраздновать?

В карих глазах отразилась настороженность.

– Хм... – сказала она. И потом: – Хорошо, Митч. Едем вместе в город. Плачу я – и, пожалуйста, не возражай. Однако ровно в двенадцать мне придется тебя покинуть. Сегодня у меня ночное дежурство в больнице, а завтра с утра операция по удалению матки, так что слишком увлекаться танцами и выпивкой не стоит.

И все же она улыбалась.

Как уже не раз за последние несколько месяцев, я решил не торопить события. Не испускать судьбу.

– Отлично! – ответил я, не покривив душой. Повеселиться в городе вдвоем с Кэти – тоже очень неплохо. – Можно от тебя позвонить?

К тому времени, как мы получили шампанское, я уже заказал билеты на гипнофильм, столик в ресторане и место в ночном клубе, чтобы закончить вечер. На лице Кэти отразилось сомнение.

– Митч, очень уж насыщенная программа для пяти часов, – заметила она. – Я не смогу удалять матку, если у меня будут дрожать руки!

Но я ее уболтал. В конце концов, Кэти боец, ее нелегко выбить из колеи. Однажды мы всю ночь орали друг на друга, а наутро она отлично сделала трепанацию черепа!

Ужин меня не порадовал. Не хочу выглядеть привередой, презирающим все, кроме свежего белка; однако я определенно не готов платить за эрзац-мясо как за настоящее! Мы заказали шашлык, и выглядел он вполне нормально, но вкус-то не спрячешь. Я извинился перед Кэти, а ресторан мысленно занес в черный список. Впрочем, Кэти только посмеялась. Зато гипнофильм после ужина оказался выше всяких похвал. Обычно от гипноза у меня болит голова; на этот раз я легко вошел в транс, да и после фильма неплохо себя чувствовал.

Ночной клуб был битком набит, и, как оказалось, администрация перепутала время нашего заказа. Пришлось пять минут ждать в холле. Я попросил Кэти вычесть это время из нашего пятичасового срока, но она очень решительно покачала головой.

Однако когда официант с поклонами и цветистыми извинениями провел нас к местам за стойкой и принес напитки, Кэти наклонилась ко мне и поцеловала. И я понял, что все не так уж плохо.

– Спасибо, Митч, – сказала она. – Чудесный был вечер. Получай повышения почаще, мне это нравится.

Я зажег сигарету для нее и для себя, открыл рот для ответа – и промолчал.

– Что же ты? Говори.

– Просто хотел сказать, что нам с тобой всегда было весело вместе.

– Ну да, я так и поняла. А я хотела на это ответить: знаю, к чему ты клонишь. Ответ по-прежнему «нет».

– Так я и думал, – вздохнул я. – Ладно, пошли отсюда.

Кэти заплатила по счету, и мы вышли на улицу, на ходу вставляя носовые заглушки.

– Такси, сэр? – поинтересовался швейцар.

– Да, пожалуйста. Двойное, – ответила Кэти.

Он подул в свисток, подзывая велотакси на двоих, и Кэти назвала основному водителю адрес больницы.

– Можешь доехать со мной, Митч, – предложила она.

Швейцар подтолкнул велотакси сзади, и оба водителя синхронно заработали ногами, набирая скорость.

Не спрашивая ее, я поднял полог и отгородил нас от окружающего мира. На миг все стало как в те далекие дни, когда мы только познакомились: уютная темнота, легкий пыльный запах тканого полога, ритмичный скрип велосипедных цепей. Но только на миг.

– Митч, лучше не говори ничего! – предупредила Кэти.

– Прошу тебя! – начал я, тщательно подбирая слова. – Просто позволь мне кое-что сказать. Всего пару слов.

Она промолчала.

– Мы с тобой были женаты восемь месяцев. Да, верно, – поспешил добавить я, видя, что она хочет меня перебить, – это был не постоянный брак. Но предварительные брачные обеты мы принесли. Помнишь почему?

Она немного помолчала, а затем ответила со вздохом:

– Потому что любили друг друга.

– Верно, – согласился я. – Я любил тебя, а ты меня. У нас обоих работа, отнимающая очень много времени и сил; мы понимали, что работу будет нелегко совмещать с семейной жизнью, так что решили сначала заключить временный брак. Подождать год, посмотреть, что из этого выйдет, и, если все будет хорошо – пожениться по-настоящему. – Я коснулся ее руки; она не отодвинулась. – Кэти, милая, как ты считаешь: может быть, мы знали, что делали? Может быть, стоит, по крайней мере, дать себе этот год? У нас осталось еще четыре месяца. Давай попробуем. Если год закончится, а ты по-прежнему будешь готова отозвать свое согласие – что

ж, по крайней мере, я не скажу, что ты не дала мне шанс. Что до меня, я ждать не хочу. Я уже подал заявление на постоянный брак. И мое решение не изменится.

В этот миг мы проезжали мимо фонаря, и я увидел у нее на лице странное, непонятное мне выражение.

– Черт возьми, Митч, – ответила она с тяжелым вздохом, – я прекрасно знаю, что твое решение не изменится. Это меня и пугает. Что мне сделать, чтобы открыть тебе глаза? Обругать последними словами? Сказать, что ты эгоистичная свинья, бессовестный манипулятор, макиавеллист, грубый, несдержанный? Что с тобой невозможно жить? Я считала тебя хорошим человеком, Митч. Идеалистом, для которого убеждения и принципы дороже денег. У меня были серьезные причины так думать. Ты сам так говорил, и очень убедительно. И с моей работой готов был мириться. Заинтересовался медициной – так мне казалось: по три раза в неделю приходил смотреть, как я оперирую, при мне рассказывал всем своим друзьям, как горд, что женился на женщине-хирурге. Три месяца мне потребовалось, чтобы понять, что это на самом деле для тебя значит. Жениться на домохозяйке может любой, а вот взять в жены первоклассного хирурга и превратить ее в домохозяйку – такое под силу только Митчеллу Кортни! – Ее голос задрожал. – Я не могла с этим смириться, Митч. И никогда не смогу. Не надо со мной спорить, не надо улещивать и уламывать. Не сработает. Я врач. Иногда от меня зависит человеческая жизнь. Митч, если во время работы я буду переживать из-за ссор с мужем, пострадают мои пациенты. Как ты не понимаешь?

Из ее груди вырвался звук, похожий на рыдание.

– Кэти, – тихо спросил я, – неужели ты меня больше не любишь?

Долгое, долгое мгновение в велотакси царила тишина. Затем Кэти рассмеялась – коротко и невесело.

– Приехали, Митч, – сказала она. – И уже полночь.

Я поднял полог, мы вышли из такси.

– Подождите здесь, – попросил я водителей и вместе с Кэти дошел до дверей.

Она не поцеловала меня на прощание, не спросила, когда увидимся снова. Минут двадцать я стоял в холле, чтобы убедиться, что она действительно останется здесь. Потом вышел и попросил подбросить меня до ближайшей станции подземки. Настроение было отвратное, и оно не улучшилось, когда старший водитель, получая плату, поинтересовался как ни в чем не бывало:

– Скажите, мистер, а что такое мак... мак-ки-авеллист?

– Это по-испански «не твое собачье дело», – не слишком вежливо ответил я. И в подземке мрачно размышлял о том, каких вершин богатства нужно достичь, чтобы иметь возможность купить себе уединение.

На следующее утро я явился на работу в том же мрачном настроении. Эстер понадобилось потрудиться, чтобы я не откусил ей голову в первые же несколько минут. Хорошо хоть утром не было совещания! Вручив мне почту и подборку внутриофисных сообщений за ночь, Эстер тактично скрылась. А через некоторое время появилась вновь, неся на подносе чашку кофе – настоящего кофе, выросшего на кофейной плантации.

– Офис-менеджер варит его тайком в туалете, – объяснила она. – Обычно сердится, когда мы его выносим – боится, будут проблемы с отделом кофизеста. Но вы у нас теперь звезда, так что...

Я поблагодарил ее, передал ей пленку с записью рассказа Джека О'Ши и взялся за работу.

Прежде всего нужно выбрать пробную площадку для испытаний нашей новой рекламы – а это требует тесного сотрудничества с Мэттом Ранстедом. Еще одна головная боль! Мэтт – глава отдела маркетинговых исследований, так что нам с ним предстоит работать в тесном взаимодействии. Вот только он никакого желания взаимодействовать со мной не проявляет.

Я включил проектор, вывел на экран карту Южной Калифорнии. Мэтт и двое его безликих помощников ждали со скучающим видом, дымя сигаретами и стряхивая пепел на пол моего кабинета.

Я очертил световой указкой области, в которых хотел провести тестовые исследования.

– От Сан-Диего до Тихуаны; половина пригородов Лос-Анджелеса, и до границы Монтерея. Здесь будут наши контрольные точки. Тестовые исследования проведем на всей территории Калифорнии-Мехико, начиная от Лос-Анджелеса и южнее. Мэтт, здесь придется поработать тебе. Рекомендую использовать как штаб наш офис в Сан-Диего. Там сейчас работает Тернер, он парень надежный.

– И от декабря до декабря ни снежинки, – проворчал Мэтт. – Там не удастся продать пальто, даже если вручать прекрасную рабыню в подарок!.. Господи боже, Митч, почему ты не оставишь маркетинговые исследования тем, кто в них разбирается? Неужели не понимаешь, что здесь климат обнулит все наши усилия?

Младший из его желторотых помощников вякнул что-то в поддержку босса, но я его остановил. По выбору мест для тестовых исследований мне придется консультироваться с Ранстедом – это его работа. Но проект «Венера» мой, и руководить им буду я. Так что я ответил довольно резко:

– Соотношение федеральных и региональных доходов, средний возраст населения, плотность населения, здоровье, психическая устойчивость, распределение по возрастным группам, уровень и причины смертности – по всем семи основным параметрам штат Калифорния-Мехико идеален. Как будто самим Богом создан, чтобы стать идеальной площадкой для тестирования рекламы! Эта крохотная вселенная с населением меньше ста миллионов воспроизводит в себе все основные социальные сегменты Северной Америки. Я не собираюсь перекраивать свой проект, – добавил я с ударением на «свой», – и пробные исследования проведу там, где считаю нужным.

– Ничего не выйдет, – настаивал Мэтт. – Температура – важнейший фактор, это любому понятно!

– Я – не «любой», Мэтт. Я главный.

Мэтт затушил сигарету и встал.

– Тогда поговорим с Фаулером, – бросил он и двинулся к дверям.

Мне оставалось только пойти следом. Выходя, я слышал, как старший из его помощников снимает телефонную трубку и просит секретаршу Фаулера предупредить его о нашем приходе. Да уж, команду Ранстед себе подобрал на славу! На несколько секунд я задумался о том, как сколотить такую же команду для себя, а потом перешел к мыслям о том, как провести разговор с Фаулером.

Однако с раздорами среди подчиненных Фаулер сталкивался не раз – и прекрасно знал, что с ними делать. Есть у него особая техника, которую он сейчас и применил.

– А вот и вы! – воскликнул шеф, едва мы вошли. – Те, кто мне сейчас как раз очень нужен! Мэтт, можно огоньку? У меня тут проблема с ребятами из АГИ. Уверяют, что наше средство «бэби-стоп» вредит американской демографии, грозят подать против нас иск, если мы не свернем программу. Одна птичка мне напела, что эту идею подсказал им Таунтон...

И Шокен углубился в перипетии своих взаимоотношений с Американским гинекологическим институтом. Я слушал вполуха: другая наша программа, «Мальчик или девочка?» – надежный способ определения пола до родов, – повысила рождаемость в стране по меньшей мере на двадцать процентов. Ясно было, что эти ребята ничего от нас не добьются. Видимо, так же думал и Ранстед.

– Фаулер, – ответил он, – тут нет предмета для иска. Продаем же мы одновременно и алкоголь, и средства от похмелья! Мы делаем для демографии все возможное, и у них нет

оснований к нам цепляться. И потом, какое отношение это имеет к отделу маркетинговых исследований?

Фаулер добродушно рассмеялся в ответ.

– В этом-то и дело! – воскликнул он. – Я хочу бросить им жирную кость. Они ждут от нас, как обычно, вялых оправданий, а я хочу дать им самим во всем разобраться. Засыпь их цифрами и диаграммами, доказывающими, что «бэби-стоп» не заставляет супругов отказываться от детей, а лишь позволяет отложить деторождение до момента, когда они смогут обеспечить ребенка всем необходимым. Иными словами, до тех пор, когда при увеличении их расходов общий уровень жизни и, следовательно, покупательная способность останутся прежними. Пусть выкусит Таунтон! Верно, адвокатов за представление интересов двух конфликтующих сторон одновременно лишают лицензии. Многие на этом погорели. Но нужно позаботиться о том, чтобы любые попытки применить тот же принцип к нашей профессии угасли в зародыше. Сможешь это повернуть для старика, Мэтт?

– Смогу, чего уж там, – проворчал Мэтт. – А что с Венерой?

Фаулер подмигнул мне:

– А что у нас с Венерой? Ты уже загонял беднягу Мэтта?

– Век бы его не видать, – ответил я. – Из-за этого я к вам и пришел. Мэтт боится Южной Калифорнии.

Ранстед отбросил сигарету; она упала на дорогой нейлоновый ковер.

– Какого хре... – воинственно начал он.

– Спокойнее, спокойнее, Мэтт, – обратился к нему Фаулер. – Объясни все по порядку.

Ранстед злобно уставился на меня.

– Я просто сказал, что для тестового обкатывания нашей рекламы Южная Калифорния не подходит. В чем главная разница между Венерой и Землей? На Венере жарко! Нам нужна пробная площадка с умеренно континентальным климатом. Жара на Венере может соблазнить жителя Новой Англии, но никогда не соблазнит жителя Тихуаны. В Калифорнии-Мехико люди уже страдают от жары!

– Гм, – проговорил Фаулер Шокен. – Вот что я тебе скажу, Мэтт. В этом вопросе нужно разобраться, а ты в ближайшее время будешь готовить презентацию для АГИ. Назначь надежного человека, который сможет заменить тебя в проекте «Венера», пока ты занят другим. И завтра после обеда на совещании отдела мы все обсудим. Теперь же... – он взглянул на часы на столе, – сенатор Дэнтон ждет встречи со мной уже семь минут. Вы согласны?

Мэтт был явно не согласен – но что ему оставалось? А я приободрился на весь остаток дня.

Пока все шло гладко. Прислали справку из отдела научных разработок, подготовленную на основе доклада Джека О'Ши и других доступных материалов – о перспективах венерианского производства. Перспективы были. Как краткосрочные – вроде сувенирных глобусов Венеры, изготовленных из органики, плавающей в густом бульоне так называемого венерианского «воздуха», – так и долгосрочные. Например, анализы показывали присутствие на Венере чистого железа. Не 99 %, даже не 99,9 %, а абсолютно чистого – такого, какое не встретишь на кислородной планете вроде Земли. Ученые будут счастливы – и хорошо за него заплатят!

Кроме того, наш научный отдел обнаружил интересное приспособление, называемое вихревой трубой Хильша. Это устройство способно охлаждать дома первопроходцев за счет энергии жарких венерианских ураганов. Известно оно с 1943 года, но до сих пор никого не интересовало, ибо никто не понимал, как его использовать. Никто до сих пор не сталкивался с мощными горячими ветрами – кроме нас.

Треиси Колльер, парень из научного отдела, прикомандированный к проекту «Венера», начал рассказывать мне что-то о химических фиксаторах азота. Я слушал, время от времени кивая. Насколько я понял, идея состояла в следующем: платиновая «губка», наложенная

на почву, вместе с постоянными мощными электрическими разрядами в атмосфере вызовет «осадки» – «снег» из нитратов и «дождь» из углеводов, что очистит атмосферу от формальдегида и аммиака.

– И сколько это будет стоить? – осторожно спросил я.

– Да сколько захотите. Сами знаете, платина не изнашивается. Один грамм платины выполнит всю работу за миллион лет. Возьмете больше платины – получится быстрее.

Я не особенно его понял, но ясно было, что новость хорошая. Я похлопал парня по плечу, отослал и продолжил работать.

Из отдела промышленной антропологии пришли новости похуже. Бен Уинстон начал со мной спорить.

– Кто захочет жить в раскаленной банке из-под сардин? – говорил он. – Да никто! Это противно всем нашим инстинктам. Кому понравится пролететь сто миллионов километров ради шанса провести остаток жизни в консервной банке, когда можно спокойно остаться на Земле? На Земле, где есть коридоры, лифты, улицы, наконец, крыши. Столько свободного места! Нет, Митч, это противно человеческой природе!

Я пытался его урезонить, однако Бен все твердил об американском образе жизни. Даже подошел со мной к окну и указал на расстилавшийся перед нами городской пейзаж: сотни и сотни ярдов крыш, где люди могут гулять свободно, без громоздких кислородных шлемов, защищенные лишь простыми антипылевыми заглушками в носу.

Наконец я потерял терпение.

– Разумеется, полететь на Венеру захотят очень многие! – ответил я. – Если Венера никому не интересна, с какой стати люди сметают с прилавков книги Джека О’Ши? Почему избиратели голосуют за миллиардные расходы на строительство ракеты? Бог свидетель, не мне тебя учить работать, но проведи опрос среди покупателей книг, среди тех, кто снова и снова смотрит выступления Джека О’Ши по телевизору, кто приходит на его выступления, а потом обсуждает их в коридорах. Сам О’Ши у нас на зарплате, насадь на него; выведай все о колонии на Луне – что за люди туда переселились? Так мы и узнаем, какой аудитории адресовать рекламу. Возражения?

Возражений не было.

Эстер, спланировавшая мое расписание в этот первый день, сотворила чудо: до конца дня мне удалось плодотворно пообщаться со всеми отделами. Однако работать с документами вместо меня она не могла, и к концу дня у моего правого локтя выросла стопка бумаг в шесть дюймов высотой. Эстер предложила помочь – но что она тут могла сделать? Я попросил у нее бутерброды и еще кофе, а потом отправил домой.

Закончил я уже ближе к полуночи. Перед тем как идти домой, забежал в круглосуточную закусочную на пятнадцатом этаже, тесную комнатку, где кофе вонял дрожжами, из которых был приготовлен, а в ветчине на бутерброде ясно ощущался вкус сои.

Скоро я понял, что это не беда – настоящая беда ждала впереди. Едва я открыл дверь в свою квартиру, как раздался страшный грохот и что-то ударило в дверной косяк рядом с моей головой. Я вскрикнул и пригнулся. За окном мелькнула фигура человека, болтающегося на веревке с револьвером в руке.

Мне хватило глупости броситься к окну и уставиться на улетающий вертолет с висящей под ним человеческой фигурой. В эту минуту я представлял собой прекрасную мишень. По счастью, убийце, висящему на веревке под брюхом вертолета, не удалось прицелиться.

Удивляясь собственному спокойствию, я набрал номер корпорации «Защита в большом городе».

– Сэр, вы наш подписчик? – спросила девушка-оператор.

– Да, черт возьми! Уже шесть лет. Пришлите сюда кого-нибудь! Побольше и с оружием!

– Минуточку, мистер Кортни... Кортни, правильно? Сотрудник рекламного агентства, звездный класс?

– Да, звездный класс, – скрипнув зубами, подтвердил я.

– Благодарю вас, сэр. Передо мной ваши данные, сэр. К сожалению, сэр, у вас имеется задолженность. Видите ли, сэр, для граждан звездного класса у нас введены особые тарифы, связанные с опасностью индустриальных войн. Ваш нынешний тариф... – И она назвала цифру, от которой у меня глаза полезли на лоб.

Но я не стал выплескивать гнев на девушку. В конце концов, она-то в чем виновата?

– Благодарю вас, – ответил я мрачно и повесил трубку.

Затем загрузил в читальный аппарат Красную книгу потребителя, открыл раздел «Охранные агентства» и принялся обзванивать все подряд. В трех или четырех местах мне дали от ворот поворот, а потом наконец какой-то сонный частный детектив согласился приехать на разовой основе.

Появился он через полчаса. Я заплатил ему наличными, но за свои деньги не получил ничего, кроме поиска несуществующих отпечатков пальцев и кучи вопросов, на которые у меня ответов не было. Наконец он ушел, сказав на прощание, что «займется этим делом».

Я лег в постель, но заснуть сумел далеко не сразу. В голове крутился один вопрос, ответа на который я не знал: кому понадобилась смерть скромного и безобидного рекламщика?

Глава четвертая

На следующее утро, призвав на помощь все свое мужество, я отправился вниз по коридору в кабинет Фаулера Шокена. Мне нужен был ответ – и, возможно, у него ответ есть. Вполне может быть, что за этот вопрос он вышвырнет меня из кабинета. Но я хотя бы попытаюсь узнать правду.

Время я, как оказалось, выбрал не лучшее. Навстречу мне распахнулась дверь, и из кабинета с перекошенным лицом вылетела Тильди Мэтис.

– «Переписать»! – рявкнула она. – Я душу продала этому старому черту, работаю на него день и ночь – и что слышу вместо благодарности? «Все переписать!» «Текст хороший, но от вас мне нужно нечто большее, чем просто хороший текст!» И дальше: «Мне нужны краски, нужна мощь и красота, нужно скромное человеческое тепло, нужен экстаз, нужна нежность и печаль вашего женского сердца – и все это в пятнадцати словах!» Ну, я ему покажу пятнадцать слов! – прорыдала она, проносясь мимо меня. – Он у меня узнает – сладкоречивый святоша, патриархальный патерналист, Молох, пожирающий гениев...

Тут дверь захлопнулась, и дальше я уже ничего не слышал. А жаль: подбирать слова Тильди была мастерица, хотелось бы послушать.

Я кашлянул, постучал и вошел. Фаулер приветствовал меня добродушной улыбкой: столкновение с Тильди не оставило на нем следа. Откровенно говоря, вглядываясь в его доброе румяное лицо, в лучистые глаза, я почти уверился, что он ничего не знает. Но отступить было поздно.

– Фаулер, я всего на минуту, – сказал я. – Хотел спросить, не вели ли вы в последнее время жесткую игру с «Таунтон ассошиэйтед»?

– Я всегда играю жестко, – подмигнул он. – Жестко, но честно.

– Я имею в виду очень жесткую игру. Жесткую и грязную. Например, не пытались ли вы подстрелить кого-нибудь из его людей?

– Митч! Что ты такое говоришь?!

– Я спрашиваю потому, – упрямо продолжал я, – что вчера вечером меня едва не убили. За окном собственной квартиры меня поджидал вертолет, а на нем вооруженный киллер. И я не вижу никаких других версий, кроме возмездия от Таунтона.

– Таунтона можешь исключить! – безмятежно ответил Фаулер.

Я глубоко вздохнул.

– Шеф, – заговорил я, – прошу вас, скажите откровенно: вы не получали Объявления Войны? Возможно, я нарушаю субординацию, но я должен об этом спросить. Дело не только во мне. Речь идет о проекте «Венера».

Румяные яблочки на щеках Фаулера куда-то исчезли; в этот миг я ощутил, что и должность моя, и принадлежность к звездному классу висят на волоске.

– Митч, – ответил он, – когда я дал тебе звездный класс, то думал, ты понимаешь, какая ответственность с этим связана. Это ведь не просто работа. Я знал, что ты парень с головой. Знал, что ты сможешь жить согласно Коммерческому кодексу.

– Да, сэр, – помедлив, ответил я.

Фаулер сел и закурил «Старр». Секунду поколебавшись, протянул пачку и мне.

– Митч, ты еще молод, на уровень звездного класса поднялся совсем недавно. Но у тебя талант. Ты произносишь пять слов – и через несколько недель или месяцев жизнь полумиллиона потребителей полностью меняется. В твоих руках власть, Митч, абсолютная власть. Знаешь старинное изречение? Власть просветляет. Абсолютная власть просветляет абсолютно.

– Да, сэр, – ответил я.

Все старинные изречения я знал назубок. И еще знал, что рано или поздно дождусь ответа.

– Видишь ли, Митч, – продолжал он мечтательно, помахивая сигаретой. – Наряду с привилегиями у нас есть и обязанности. И связанные с ними риски. Одно без другого не существует. Не будь индустриальных войн, вся система сдержек и противовесов вылетела бы в трубу.

– Фаулер, – собравшись с духом, заговорил я, – вы же знаете, я не против системы. Система работает – вот что главное. Понятно, что без индустриальных войн нам не обойтись. Понятно, что, если Таунтон начал с нами войну, вы обязаны действовать по правилам. Вы не можете объявить об этом открыто, иначе все наши сотрудники бросят работу и разбегутся кто куда в поисках укрытия. Но, Фаулер, весь проект «Венера» – у меня в голове. Так удобнее, понимаете? Если я начну все записывать, это замедлит работу.

– Разумеется.

– Предположим, вы получили Объявление Войны. Предположим, меня Таунтон выведет из строя первым. Что будет с проектом «Венера»?

– Да, пожалуй, ты прав, – признался шеф. – Что ж, Митч, буду с тобой откровенен. Я не получал Объявления.

– Спасибо, Фаулер, – искренне ответил я. – Тем не менее кто-то в меня стрелял. И тот несчастный случай в Вашингтоне... что, если это был вовсе не несчастный случай? Как вы полагаете, Таунтон способен предпринять что-то подобное без Объявления Войны?

– Ничего похожего он раньше не делал. Хотя, правда, и я его до такой степени не провоцировал... Нет, не думаю. Таунтон – старый мошенник, любит дешевые трюки, но правила игры он знает. Убийство в ходе индустриальной войны – мелкое правонарушение. Но убийство без Объявления Войны – преступление против Коммерческого кодекса. Хм... послушай, может, ты просто положил глаз на чужую жену или что-нибудь в этом роде?

– Нет, – ответил я. – У меня сейчас на редкость унылая и добропорядочная жизнь. Все это какая-то бессмыслица. Скорее всего, просто ошибка. Так или иначе, я рад, что стрелок промахнулся.

– Я тоже, Митч, я тоже очень рад! Но хватит о твоей частной жизни, перейдем к делу. Ты встречался с О'Ши?

Покушение на меня шеф, как видно, тут же выбросил из головы.

– Встречался. Сегодня он приезжает сюда. Будем работать в тесной связке.

– Замечательно! Если правильно разыграем карту, часть его славы достанется «Фаулер Шокен ассошиэйтед»! Держись за парня обеими руками, Митч. Ну, дальше ты сам знаешь, что делать.

Я понял, что разговор окончен.

О'Ши ждал меня в предбаннике перед кабинетом. И явно не скучал: вокруг столпилась большая часть нашего женского персонала, а он, взгромоздившись на стол, что-то им вещал свысока. Взгляды наших девиц были очень красноречивы. Да, перед ними лилипут меньше метра ростом, зато у него есть деньги и власть – что еще нужно для популярности? Выбирай кого захочешь! На миг я задумался о том, сколько девушек перебивало в его постели после славного возвращения на Землю.

Обычно с дисциплиной у нас все в порядке, но сейчас мне пришлось несколько раз громко откашляться, чтобы девицы разошлись по своим местам и вернулись к работе.

– Доброе утро, Митч, – поздоровался О'Ши. – Ну как, пришел в себя после той истории?

– Конечно. Только вслед за той историей сразу попал в другую. Кто-то едва меня не пристрелил.

Я рассказал ему о покушении, и Джек нахмурился.

– Ты не думал нанять телохранителя? – спросил он.

– Думал, конечно. Но не стану. Скорее всего, меня просто с кем-то перепутали.

– А тот вертолет с грузом? Пилот тоже с кем-то тебя перепутал?

– Джек, – сказал я, немного помолчав, – давай поговорим о чем-нибудь другом. От этой темы мне не по себе.

– Как скажешь, – ухмыльнулся он. – Что ж, над чем мы будем работать?

– Прежде всего над словами, – ответил я. – Нам нужны слова о Венере – слова, которые найдут отклик в душах людей. Заставят их расправить плечи и наострить уши. Заставят задуматься о переменах, о космосе, о других мирах. Слова, благодаря которым люди ощутят недовольство своей нынешней жизнью и надежду, что все можно изменить. Слова, которые помогут им ощутить, что их чувства высоки и благородны. Слова, внушающие радостный трепет от того, что на свете есть «Индиастрия», и трест «Старрзелиус», и «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Слова, которые в то же время возбуждают их недовольство и гнев против «Юниверсал продактс» и «Таунтон ассошиэйтед».

Джек смотрел на меня, открыв рот.

– Ты ведь не всерьез! – сказал он наконец.

– Ты теперь в наших рядах, – просто ответил я. – Ты имеешь право знать. Вот так работает реклама. Так она сработала и с тобой.

– О чем ты?

– Джек, на тебе костюм и ботинки от «Старрзелиус». Значит, ты у нас на крючке. Над тобой работали Таунтон и «Юниверсал», работали Шокен и «Старрзелиус» – и ты выбрал «Старрзелиус». Мы тебя поймали. Все прошло тихо и гладко, ты даже ничего не заметил, но как-то само собой у тебя сформировалось убеждение, что в одежде и обуви «Старрзелиус» есть нечто особенное, чего не хватает одежде и обуви «Юниверсал».

– Да я вообще не смотрю рекламу! – гневно возразил он.

Я усмехнулся:

– В этих словах и заключена наша полная и окончательная победа.

– Слово даю, – сказал О’Ши, – как только вернусь к себе в номер, всю одежду отправлю в мусоросжи...

– И чемоданы? – спросил я. – Чемоданы от «Старрзелиус»?

На миг он осекся.

– Да, и чемоданы! А потом сяду на телефон и закажу себе полный комплект чемоданов, новой одежды, обуви и всего необходимого от «Юниверсал». И вы меня не остановите!

– Джек, да мне и в голову не придет тебя останавливать! Для нас это еще лучше. Вот послушай, что будет дальше. Ты закажешь полный комплект всех необходимых вещей от «Юниверсал». И некоторое время будешь их носить – с чувством смутного, трудноопределимого беспокойства. Первой дрогнет твоя потенция, ведь наша реклама – хоть ты ее и не читаешь – убедила тебя, что настоящие мужчины носят только «Старрзелиус». Потом ты начнешь «случайно» терять вещи от «Юниверсал». Брюки от «Юниверсал» тоже как-то случайно порвешь – и разозлишься на то, что они такие непрочные. В чемоданах от «Юниверсал» будет постоянно не хватать места. А потом ты, друг мой, отправишься в магазин и, как-то вдруг позабыв этот наш разговор, купишь себе «Старрзелиус»!

О’Ши неуверенно рассмеялся:

– Хочешь сказать, вы управляете людьми при помощи одних слов?

– Слов и образов. Зрелищ, и звуков, и запахов, и вкусов, и прикосновений. Однако сильнее всего слова. Ты любишь стихи?

– Что? Нет, конечно! Кто вообще сейчас читает стихи?

– Я не про современных поэтов – насчет них ты прав. Я про великих лириков: Китса, Суинберна, Уайли.

– М-м... случилось, – осторожно признался О’Ши. – А что?

– Я тебе советую пообщаться с одним из величайших современных мастеров слова: с женщиной по имени Тильди Мэтис. Правда, она не знает, что она поэт. Считает себя начальником отдела копирайтинга. Не развеивай ее заблуждение, это сделает ее несчастной. «Невеста непорочная молчанья, дитя неспешно льющихся веков...»⁷ Что-то подобное могла бы писать Тильди, будь сейчас век поэзии, а не рекламы. Корреляция очевидна: реклама идет вверх – акции лирической поэзии падают. Людей, умеющих подбирать слова – слова певучие, волнующие, трогательные, – немало в любую эпоху. Но в век, когда в рекламном бизнесе им очень хорошо платят, все они уходят в рекламный бизнес, а поэзию оставляют бездарям и сумасбродам, что соревнуются в чудачествах, тщетно стараясь привлечь к себе внимание.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – спросил он.

– Повторяю, Джек: теперь ты с нами. А вместе с властью приходит ответственность. Наша профессия – управлять человеческими душами. Ради этого мы ищем таланты – и берем их к себе на службу, чтобы придать им правильное направление. Играть чужими жизнями, как играем мы, можно лишь ради высочайших идеалов.

– Понимаю, – задумчиво ответил он. – Что ж, о моих мотивах не беспокойся. Я с вами не ради славы и не ради денег. Я здесь для того, чтобы человечество вновь обрело простор, а с ним и достоинство.

– Вот и отлично! – ответил я, нацепив на лицо Выражение Номер Один.

Однако про себя недоумевал. Сам-то я под «высочайшими идеалами» имел в виду Святые Продажи.

Я набрал номер Тильди.

– Поговори с ней. Ответь на ее вопросы. Можешь и сам ее спрашивать, о чем захочешь. Непринужденный, дружеский, даже задушевный разговор – вот что вам нужно. Поделись с ней своими переживаниями. И она, сама того не зная, облечет их в совершенную поэтическую форму, которая найдет доступ напрямую к сердцам и душам читателей. Раскройся перед ней полностью.

– Разумеется. А она-то, Митч, – она передо мной полностью раскроется? – поинтересовался Джек. Сейчас он напоминал статуэтку молодого, полного надежд сатира.

– Вот на это не надейся, – покачал головой я. Все у нас знали, что мужчины Тильди не интересуют.

После обеда – впервые за четыре месяца – мне позвонила Кэти.

– Что-то случилось? – спросил я, напрягшись. – Тебе нужна помощь?

Она рассмеялась:

– Да нет, Митч. Ничего такого. Просто хотела узнать, как ты, и поблагодарить за чудесный вечер.

– А как насчет еще одного чудесного вечера?

– Ужин сегодня у меня. Подойдет?

– Еще бы! Конечно, разумеется, подойдет! Какого цвета будет на тебе платье? Хочешь, куплю тебе настоящий цветок?

– Что ты, Митч, не надо широких жестов! Наш конфетно-букетный период давно позади, а что денег у тебя больше, чем у Господа Бога, я и так знаю. Хотя я действительно хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

– Все что угодно!

– Приведи с собой Джека О’Ши. Сможешь устроить? Я видела в новостях, что сегодня утром он прилетел в наш город, и сразу поняла, что он будет работать с тобой.

– Ну... да, – отозвался я, изрядно обескураженный. – Да, хорошо. Свяжусь с ним и тебе перезвоню. Ты в больнице?

⁷ Первые строки знаменитого стихотворения Джона Китса «Ода греческой урне» (прим. пер.).

– Да. И спасибо тебе огромное. Очень хочу с ним познакомиться!

Я заглянул в кабинет к Тильди, где и обнаружил Джека.

– Ты сегодня улетаешь? – спросил я.

– Хм... очень может быть, – ответил Джек. Он явно тоже что-то понял насчет Тильди.

– У меня другое предложение. Как насчет тихого домашнего ужина со мной и моей женой? Жена у меня, так случилось, красавица, прекрасно готовит, разговор поддержать умеет, да к тому же первоклассный хирург.

– Идет.

Так что я позвонил Кэти и сказал, чтобы к семи ждала меня вместе с нашей «звездой».

Джек вошел ко мне в кабинет в шесть часов, ворча себе под нос:

– Да уж, я заслужил хороший ужин. Эта ваша мисс Мэтис... Ну и штучка! Хотя, знаешь, что-то в ней есть. Она вообще когда-нибудь спускается на грешную землю или так всю жизнь и витает в облаках смога?

– Скорее второе, – ответил я. – Но прежде чем вздыхать по ней, вспомни, что Китс попался на крючок ветреной девицы, Байрон умудрился заразиться гонореей, а во что превратил собственную жизнь Суинберн, и вспомнить страшно. Надо ли пояснять, как опасно связываться с поэтами?

– Не надо! Расскажи лучше о своей жене. Что у вас за семья?

– Временный брак, – ответил я. И сам расслышал в своем голосе нотку горечи.

Он вздернул брови.

– Я человек старомодного воспитания. Никогда не понимал, какой смысл в условных браках.

– Я тоже, – ответил я. – По крайней мере, для меня в этом точно смысла нет. Если Тильди тебя еще не просветила, сообщаю: моя талантливая красавица жена не хочет превращать наш временный брак в окончательный, мы не живем вместе, и если за четыре месяца она не переживает, между нами все будет кончено.

– Нет, Тильди меня не просветила, – ответил он. – А ты, кажется, действительно об этом жалеешь?

Тут я едва не дрогнул. Едва не предался жалости к себе и не начал искать у него сочувствия. Едва не пустился в долгий рассказ о том, как мне тяжело, как я люблю Кэти, как она ко мне безжалостна, как я все перепробовал... Но в следующий миг осознал, что собираюсь все это выложить лилипуту, в котором нет и метра. Парню, который если когда-нибудь и женится, в любой момент может превратиться в предмет насмешек, в беспомощную игрушку своей жены.

– Жалею, но не слишком, – ответил я. – Ладно, Джек, пошли. Пропустим по стаканчику – и в подземку.

Никогда еще Кэти не была прелестнее, чем в тот вечер; и я пожалел, что послушал ее и не истратил двухдневный заработок на букет живых цветов.

Она поздоровалась с О'Ши, и тот немедленно объявил:

– А вы мне нравитесь! У вас нет этого особого женского блеска в глазах. Ну, такого, знаете, который как бы говорит: «Ах, какой милашка!» Или: «Ох, должно быть, он богат и несчастен!» Или: «Ну почему бы не попробовать, это же так экзотично!» Одним словом, я нравлюсь вам, а вы мне.

Как вы, должно быть, уже догадались, он был немного пьян.

– Не хотите ли кофе, мистер О'Ши? – спросила Кэти. – Я буквально разорилась, чтобы достать настоящие свиные сосиски с настоящим яблочным соусом. Вы обязаны их попробовать!

– Кофе? – переспросил он. – Нет, мэм, мне, пожалуйста, кофизест. Пить кофе было бы с моей стороны предательством великой империи «Фаулер Шокен ассошиэйтед», которой я присягнул на верность. Верно, Митч?

– Сегодня этот грех тебе простится, – ответил я. – К тому же Кэти не верит, что безвредный алкалоид в кофеэсте действительно безвреден.

По счастью, Кэти стояла в углу кухни, спиной к нам – и то ли не услышала моих слов, то ли умело притворилась, что не слышала. Дело в том, что алкалоид в кофеэсте в свое время стоил нам четырехчасовой баталии. Она называла меня «отравителем детей», я ее – «мракобеской»; звучало немало и других слов, более коротких, но столь же выразительных.

Натуральный кофе вызвал восхищение даже у избалованного богатством О'Ши. Ужин был великолепен, и после него атмосфера стала гораздо непринужденнее.

– Вы, наверное, и на Луне были? – спрашивала Кэти.

– Собираюсь на днях, – любезно отвечал О'Ши.

– На Луне смотреть нечего, – вмешался я. – Пустая трата времени и денег. Один из самых неудачных наших проектов. По-моему, мы затеяли его только для того, чтобы набраться опыта перед проектом «Венера». Шахты и несколько тысяч шахтеров – больше ничего.

– Я вас на минутку покину, – проговорил О'Ши и вышел.

Я не мог упустить такой шанс.

– Кэти, милая, – быстро заговорил я, – спасибо, что пригласила меня к себе. Скажи, это что-то значит?

Она быстро потерла друг о друга большой и указательный пальцы. По этому бессознательному жесту я понял: все, что скажет Кэти дальше, будет ложью.

– Возможно, Митч, – мягко ответила она. – Только не дави на меня. И не торопи.

Тут я расчехлил свое секретное оружие.

– Врешь! Ты всегда делаешь пальцами вот так, – и я показал ей как, – когда собираешься соврать. По крайней мере, соврать мне, не знаю, как насчет других.

Она коротко рассмеялась в ответ:

– Что ж, откровенность за откровенность. Не знаю насчет твоих клиентов и сослуживцев, но, собираясь солгать мне, ты всегда задерживаешь дыхание и смотришь мне прямо в глаза.

Вернулся О'Ши – и сразу почувствовал, что непринужденность между нами исчезла.

– Мне, наверное, пора, – заметил он. – Митч, мы идем вместе?

Кэти кивнула, и я ответил:

– Да.

У дверей все вежливо попрощались, и Кэти поцеловала меня в щеку. Поцелуй был долгий, теплый – казалось, ей не хотелось от меня отрываться. Из тех поцелуев, какими скорее ждешь начать вечер, чем закончить. Я почувствовал – да, точно почувствовал, – что сердце у нее забилось быстрее! Однако в следующий миг она спокойно закрыла за нами дверь.

– Так как, ты не думал нанять охрану? – спросил О'Ши.

– Меня просто с кем-то перепутали, – упрямо ответил я.

– Может, зайдём к тебе и там ещё выпьем? – немного подумав, предложил он.

Было бы смешно, если бы не было так грустно: Джек О'Ши, парень весом в двадцать пять килограммов, собрался защищать меня от неведомых убийц!

– Конечно, – ответил я, и мы вместе спустились в метро.

Ко мне в комнату он вошел первым и включил свет. Все было спокойно. Потягивая виски, сильно разбавленный содовой, Джек кружил по квартире, осматривал запоры на окнах, дверные петли и тому подобное.

– По-моему, – произнес он, – это кресло будет лучше смотреться здесь.

«Здесь» – это в углу, который не простреливается из окна.

– Очень может быть, – ответил я и передвинул кресло.

– Береги себя, Митч, – сказал Джек перед тем, как уйти. – Если с тобой что-то случится, и твоей прелестной жене, и друзьям будет тебя не хватать.

Ничего страшного не случилось, не считая того, что я ушиб лодыжку, раскладывая кровать, – но такое происходит постоянно. Даже Кэти, с ее точными, экономными движениями хирурга, носит на себе боевые шрамы от жизни в городской квартире. Вечером раскладываешь кровать, утром складываешь, перед завтраком раскладываешь стол, потом его складываешь, чтобы пройти к дверям. Немудрено, что некоторые ограниченные люди тоскуют по старым добрым временам, когда в Америке было больше места, – думал я, устраиваясь поудобнее и погружаясь в сон.

Глава пятая

Неделю все шло гладко. Ранстед, занятый историей с «бэби-стоп» и АГИ, перестал дышать мне в спину, и я полностью взял дело в свои руки.

Тексты писали ребята из отдела Тильди. Темпераментная молодежь; порой за день они едва выдавливали из себя пару строк, а порой с горящими глазами, словно одержимые, катали страницу за страницей – только успевай останавливать. Тильди направляла их, редактировала и передавала мне лучшие из лучших текстов: сценарии девятиминутных роликов, остроумные подписи под плакатами, статьи для размещения, новостные сюжеты, короткие заметки, слухи, которые предстояло распространять из уст в уста, забавные стишки, шутки и каламбуры, приличные и не очень, которые должны были разойтись по всей стране.

В визуальном отделе шла лихорадочная работа. Наши труженики кисти и камеры по-настоящему увлеклись, создавая из ничего историю Венеры. Требовалось создать рекламные плакаты типа «до и после» – и вкалывали они с таким энтузиазмом, словно по-настоящему творили новый мир.

Научный отдел каждый день радовал нас новыми фокусами. Однажды, когда я спросил Колльера, не слишком ли он оптимистичен, тот ответил:

– Мистер Кортни, все дело в энергии. А на Венере энергии полно. Совершенно другой уровень! Она ведь ближе к Солнцу. Солнце изливает на планету море энергии в виде тепла и скоростных потоков частиц. Здесь, на Земле, такого уровня легко доступной энергии и близко не найти. У нас здесь кинетическая энергия атмосферы вращает ветряные мельницы – на Венере будет вращать турбины. Если на Венере нам понадобится электричество, достаточно будет соорудить аккумулятор, положить его под громоотвод, а самим отойти подальше.

Отделы маркетинговых исследований и промышленной антропологии трудились в Сан-Диего: показывали тестовым группам из Калифорнии-Мехико тексты Тильди, плакаты и фильмы наших визуальщиков, изучали их реакцию, экстраполировали и интерполировали. Хэм Харрис, заместитель Ранстеда в Сан-Диего, постоянно был со мной на прямой связи.

Вот типичный рабочий день в отделе Венеры. С утра – краткая мотивационная речь в моем исполнении, затем все докладывают, как у них дела, выслушивают критику, обмениваются предложениями. Харрис по телефону сообщает Тильди, что на ключевые слова «безмятежная атмосфера» тест-группа реагирует вяло, и просит разработать список альтернатив. Тильди спрашивает Колльера, можно ли употребить в статье для размещения выражение «топазовые пески», как бы намекая на обилие на Венере драгоценных и полудрагоценных камней. Колльер советует визуальщикам сделать небо в панораме «До» краснее. А я говорю: не стоит, небо вышло очень живописное. А если в реальности у него немного другой оттенок – кого это волнует?

Сверив часы, все берутся за работу. Я тоже. Целый божий день я на проводе: за всеми слежу, всех координирую, даю указания, а потом еще несколько раз объясняю, что имел в виду.

Перед концом рабочего дня – финальное совещание, посвященное какому-либо конкретному вопросу: например, интеграции продуктов «Старрзелиус» в венерианскую экономику или предполагаемому доходу венерианских колонистов, необходимому для достижения оптимальной покупательной способности через двадцать лет после высадки.

А потом начинается лучшая часть дня. Кажется, у нас с Кэти наконец все налаживается! Мы еще не съехались, но уверен, что и это не за горами. То она меня куда-нибудь приглашает, то я ее. Отправляемся в город и веселимся до упаду: едим в лучших ресторанах, пьем, танцуем, просто наслаждаемся жизнью. Мы молоды, красивы и почти счастливы. Ни о чем серьезном она не заговаривает, и я ее не тороплю. Чувствую, что время на моей стороне.

Однажды, перед тем как уехать в лекционное турне, вместе с нами выбрался в город и Джек О'Ши. Мы – такая шикарная пара, что вместе с нами развлекается главная мировая знаменитость... Разве не прекрасно жить на свете?!

Через неделю успешной и плодотворной работы я сказал Кэти, что мне пора выехать «в поле»: посетить космодром в Аризоне и наши тестовые площадки в Сан-Диего.

– Здорово! – сказала она. – А можно мне с тобой?

Помню, я едва не запрыгал от дурацкой щенячьей радости. Значит, у нас с ней в самом деле все на мази!

Осмотр ракеты оказался не особенно интересным. У меня была на космодроме пара своих людей – связанных с Вооруженными Силами, Республиканской авиацией, «Телефонной компанией Белла» и «Американским стальным трестом». Сначала они провели нас с Кэти вокруг ракеты, а потом показали ее и изнутри, треща как заправские экскурсоводы:

– ...Стальной корпус... кубометраж больше, чем в стандартном офисном здании Нью-Йорка... замкнутый цикл восстановления пищи, воды и воздуха... одна треть – двигательный отсек, вторая – грузовой, третья – жилой... героические первопроходцы... герметичность... выработка энергии... моторы, работающие на солнечном тепле... беспрецедентный труд... великая жертва нации... национальная безопасность...

Как ни странно, больше впечатлила меня не сама ракета, а огромное пустое пространство вокруг нее. На целую милю кругом – отчасти ради безопасности, отчасти опасаясь радиации – снесли все. Ни домов, ни теплиц, ни пищевых цистерн, ни солнечных батарей. Во все стороны простиралась бесконечная пустыня – лишь яркое солнце играло на ирригационных трубах. Удивительный пейзаж: едва ли еще хоть один такой найдется в Северной Америке.

Эта пустота действовала на нервы. Уже много лет мне не приходилось смотреть вперед дальше, чем на несколько ярдов.

– Как непривычно! – проговорила рядом со мной Кэти. – А можно нам туда выйти?

– Прошу прощения, доктор Нейвин, – ответил один из наших «проводников». – Там мертвая зона. У охранников на вышках инструкция стрелять в каждого, кто туда направится.

– Так отмените приказ, – потребовал я. – Мы с доктором Нейвин хотим прогуляться.

– Разумеется, мистер Кортни, – отвечал наш «проводник», явно обеспокоенный. – Сделаю все, что смогу, но это потребует времени. Нужно будет получить разрешение у военной разведки, разведки ВМФ, ЦРУ, ФБР, у Службы авиационной безопасности...

Я взглянул на Кэти. Та, беспомощно улыбнувшись, пожала плечами.

– Ладно, не стоит, – сказал я.

– Слава богу! – выдохнул наш «проводник». – Извините, мистер Кортни. Знаете, такого мы никогда раньше не делали, и я просто не представляю, через какие каналы обратиться, чтобы решить вопрос... ну, вы меня понимаете.

– Понимаю, конечно, – вздохнул я. – Скажите, все эти системы охраны себя окупают?

– Похоже, что да, мистер Кортни. Ни одной попытки диверсии или случая шпионажа, будь то со стороны иностранных разведок или консов, пока не было.

И он суеверно постучал костяшкой пальца правой руки по обручальному кольцу из мореного дуба, красующемуся на среднем пальце левой. Я мысленно сделал себе заметку проверить расходы нашего «проводника». Человек с его зарплатой едва ли может позволить себе такое украшение.

– А консов тоже интересуют полеты в космос?

– Кто их разберет! Военная разведка, ЦРУ и Служба авиационной безопасности считают, что да. Разведка ВМФ, ФБР и Секретная служба – что нет. Кстати, не хотите ли пообщаться с командером Макдональдом? Глава местного отдела разведки ВМФ. Специалист по консам.

– Кэти, мы хотим посмотреть на специалиста по консам? – спросил я.

– Если у нас есть время, – ответила она.

– Если понадобится, я прикажу задержать самолет, – вставил «проводник», явно стремясь чем-то загладить фиаско с охраной.

Он провел нас через лабиринт строительных вагончиков и складов к административному зданию: здесь, пройдя семь охранных постов, мы наконец добрались до кабинета командера.

Макдональд был типичным военным: честный служака, сильный и надежный, один из тех, глядя на которых испытываешь гордость за Америку. По значкам и нашивкам на рукавах я понял, что он специалист-контрактник, специализируется на разведке, служит уже третий пятилетний срок в «Детективном агентстве Пинкертона». На руке у него я заметил сосновое кольцо с вырезанным на нем открытым глазом: простое и скромное, никакой вычурности. Знак выпускника Военно-детективной школы «Пинкертон» – знак качества, свидетельство того, что этот человек с детства готовился к своей работе.

– Хотите больше узнать о консах? – спросил он. – Что ж, тогда я тот, кто вам нужен. Всю жизнь за ними гоняюсь.

– У вас против них что-то личное, командер? – поинтересовался я.

– Да нет, пожалуй. Просто люблю свою работу. Мне нравятся схватки и погони, хотя за консами особенно гоняться не приходится. Эффективнее расставлять им ловушки. Вы слышали о взрыве бомбы в Топике? Не в моих правилах сомневаться в чужой компетентности, но тамошней службе безопасности сразу следовало бы догадаться, чем может кончиться такое мероприятие. Не удивлюсь, если сами консы его и организовали, чтобы показать свою силу.

– Почему вы так думаете, командер? – спросила Кэти.

– Просто ощущение, – скупно улыбнувшись, объяснил он. – Его трудно объяснить словами. Консы очень против гидравлических горных работ. Всегда были против. Ясно было, что они найдут способ выразить свое недовольство.

– Но почему они против гидравлических работ? – не отставала Кэти. – Нам ведь нужны и железо, и уголь, не так ли?

Командер скорчил выразительную гримасу и пожал плечами.

– Только не просите меня объяснять, как у консов работают мозги! Мне случалось их допрашивать по шесть часов без перерыва, но ни один так ничего внятного и не сказал. Если бы, допустим, мне случилось поймать того бомбиста из Топики, не сомневаюсь, он бы быстро раскололся – однако нес бы всякую чушь. Сказал бы, что гидравлические работы уничтожают верхний, плодородный слой почвы. Я ему: «Да, ну и что?» Он мне: «Неужели вы не понимаете?» Я: «Чего не понимаю?» Он: «Но ведь верхний слой почвы невозможно восстановить!» Я: «Не волнуйтесь, понадобится – восстановим. И вообще, куда проще выращивать еду на гидропонике». Он ответил бы, что на гидропонике нельзя пасти скот или еще что-нибудь в этом роде. Все эти разговоры сводятся к одному: консы считают, что мир на полной скорости катится к чертям и люди должны остановиться и задуматься, а я отвечаю: «До сих пор все как-то обходилось – обойдется и дальше!»

Кэти недоверчиво рассмеялась, а командер продолжал:

– Консы твердолобые фанатики, но ребята крутые, этого не отнять. Дисциплина у них железная. Организуют ячейки на местах. Взяв одного конса, вы получите еще двоих или троих из его ячейки – и, скорее всего, на этом все. Горизонтальных контактов между ячейками нет, а вертикальные контакты с руководством ведутся только через посредников. Да, смею надеяться, я неплохо знаю консов – и именно поэтому не опасаясь ни диверсий, ни выступлений с их стороны. Здесь им просто нечего делать.

По дороге в Сан-Диего мы с Кэти, удобно устроившись в салоне первого класса, смотрели, как проплывают на уровне глаз рекламные ролики.

Вот «Страна игрушек» – старая добрая песенка: над ней я работал много лет назад, когда был еще стажером. Я подтолкнул Кэти локтем, сказал об этом, и мы вместе погрузились в нежные переливы мелодии, созданной Виктором Гербертом.

Вдруг реклама умолкла, экран погас, и из динамиков раздалось объявление:

– Согласно Федеральному закону, предупреждаем пассажиров, что самолет входит в зону разлома Сан-Андреас с повышенной опасностью землетрясений. Любые страховки от землетрясений здесь не действуют и не будут действовать, пока пассажиры не покинут зону повышенной опасности.

И снова перед нами поплыла реклама.

– А на страховке от встречи с яком, – заметила вполголоса Кэти, – наверняка есть примечание мелким шрифтом, что она не действует в Тибете.

– Страховка от встречи с яком? – удивленно спросил я. – Ради всего святого, зачем она тебе?

– Ну, никогда не знаешь, где попадется разъяренный як, верно?

– Да ты, похоже, смеешься надо мной! – с достоинством ответил я. – Через несколько минут приземляемся. У Хэма Харриса мне хотелось бы появиться без предупреждения. Он парень неплохой, только боюсь, как бы Ранстед не заразил его вирусом пораженчества. В нашей работе нет ничего хуже.

– Если можно, Митч, я бы поехала с тобой.

Самолет снизился и начал кружить над Сан-Диего, ожидая, когда диспетчер подаст сигнал на посадку. Словно туристы, мы прилипли к окнам. Кэти никогда раньше здесь не была. Я был один раз, но сейчас пейзаж выглядел по-новому – и неудивительно: ведь этот город постоянно рушится и отстраивается заново. На месте старых домов появляются новые – и какие!

Больше всего они похожи на палатки на хлипких пластиковых каркасах. Во время землетрясений, постоянно трясущих Южную Калифорнию, такие дома-палатки не рушатся, погребая людей под собой, а просто складываются. И даже если сильное землетрясение ломает пластмассовый каркас – что вы теряете? Дом-палатку просто и недорого восстановить.

С точки зрения экономики страны идея отличная. После того как испытания водородной бомбы привели к разлому в Сан-Андреасе, есть немалая вероятность, что в один прекрасный день – в *любой* день – весь этот регион просто тихо сползет в океан. Однако он все еще на месте, здесь кипит жизнь, – и, как и все вокруг, мы надеялись, что с городом ничего не случится и за время нашего визита.

В прошлом, бывало, люди паниковали, особенно когда землетрясения здесь происходили изо дня в день. Насколько я понимаю, пугали их не сами землетрясения, а старые дома, под обломками которых легко было погибнуть. Со временем люди к этому привыкли; более того – как и следовало ожидать от Южной Калифорнии, начали этим гордиться, как местной достопримечательностью. Местные жители с удовольствием приводят статистику, доказывающую, что шанс погибнуть от удара молнии или от падения метеорита куда выше, чем от их землетрясений.

Арендовав скоростной велолимузин с тремя водителями, мы помчались в местное отделение «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Я не вполне доверял отделу маркетинга и не исключал, что в аэропорту дежурит человек Харриса, готовый предупредить его о моем появлении. Если Харрис будет предупрежден и успеет подготовиться, от моей инспекции никакого проку.

Первый недобрый знак получил я уже в приемной. Секретарша меня не узнала; хуже того – как выяснилось, не знала и моего имени.

– Подождите, мистер Конелли, – сказала она лениво, – я уточню, не занят ли мистер Харрис.

– Мистер Кортни, юная леди. И я – начальник мистера Харриса.

Мы с Кэти вошли – и глазам нашим предстала картина раздвоя и морального разложения, от которой у меня волосы встали дыбом.

Харрис, скинув пиджак, дулся в карты с двумя молодыми сотрудниками. Еще двое замерли перед гипноэкраном: глаза остекленелые – парни явно в трансе. И только один сидел перед калькулятором и лениво в него тыкал. Одним пальцем.

– Харрис! – рявкнул я.

Все, кроме двоих перед телевизором, с открытыми ртами повернулись ко мне. Я подошел и выключил гипноэкран. Теперь, сонно моргая, на меня смотрели и эти двое.

– М-м-мистер Кортни... – пролепетал Харрис. – М-мы вас не ждали...

– Вижу, что не ждали. Вы все, за работу – а мы с вами, Харрис, пройдем в ваш кабинет.

Кэти последовала за нами; никто не возражал.

– Харрис, – заговорил я, – хорошая работа многое искупает. А вы чертовски хорошо работаете над нашим проектом. Не скрою, мне не понравилась – крайне не понравилась – та расхлябанная атмосфера, которую я здесь увидел. Но это можно исправить...

Тут на столе у него зазвонил телефон. Я снял трубку.

– Хэм! – раздался в трубке взволнованный голос. – Он уже здесь! Поторапливайся – он взял лимузин!

– Спасибо, – сказал я и повесил трубку. – Это ваш соглядатай в аэропорту, – объяснил я Харрису. Тот побелел. – Ну а теперь показывайте мне все. Бланки анкет. Результаты опросов с разбивкой по категориям. Перфокарты. График работ. Словом, все, о чем, как вы надеялись, я не стану спрашивать. Выкладывайте все карты на стол.

Наступило долгое, очень долгое молчание, а потом он ответил:

– У меня ничего нет.

– То есть как нет? А что же вы мне присылали?

– Только готовые отчеты.

– Иными словами, фальшивки? Все это время вы кормили нас данными, взятыми с потолка?

Он кивнул с несчастным видом.

– Харрис, как вы могли? – вскричал я. – Как вы могли?!

В ответ я услышал почти бессвязный поток слов. Он не хотел. Это его первая самостоятельная работа. Должно быть, он просто не справился. Не понимал, что делать самому, а что переложить на подчиненных. Не хотел быть с ними слишком жестким и в результате их распустил. Скоро нотки жалости к себе в его голосе сменились раздражением; он уже не защищался, а нападал. Да какая разница? В любом случае это просто предварительная бумажная работа. От нее ничего не зависит. В конце концов, кто сказал, что проект «Венера» вообще не вылетит в трубу? Да, он напортачил – и все же готов поспорить, что другие сотрудники на своих местах портачат не меньше. Все работают спустя рукава, но в конечном итоге все как-то устраивается!

– Ну нет, – ответил я. – Вы не правы, и я вам это докажу. Искусство рекламы строится на строгих научных принципах, на данных социологических опросов и маркетинговых исследований. Вы выбили почву у нас из-под ног! Тем не менее мы спасем все, что можно спасти, и начнем заново.

Он сделал слабую попытку защититься:

– Мистер Кортни, если вы действительно будете этим заниматься, то только зря потеряете время. Я долго и очень близко работал с мистером Ранстедом. Знаю, как он думает. А он ведь такая же большая шишка, как вы. Так вот: он считает, что все эти тесты и прочее – пустая трата денег.

Вот, значит, как? Мэтта Ранстеда я знал отлично – и прекрасно понимал, что на самом деле он так не думает. Он очень умный парень, этот Ранстед. Чертовски умный.

– Чем вы можете доказать свои слова? – резко спросил я. – У вас есть документы за подписью Ранстеда, где он пишет, что предварительная работа не нужна? Служебные записки? Может быть, аудиозаписи?

– Да, кажется, что-то такое было, – ответил Харрис и нырнул в недра своего стола.

Долго он рылся в бумагах, включал какие-то записи, прокручивал их туда-сюда – и лицо его все сильнее омрачалось волнением и страхом.

Наконец он проговорил в недоумении:

– Ничего не могу найти. Точно помню, что-то такое было!

В том, что он «точно помнит», я не сомневался. Высшая ступень нашего искусства: внушить потребителю какую-то идею так, чтобы он сам этого не заметил.

Сукин сын Ранстед хорошенько промыл этому слюнтяю мозги, а потом отправил работать над моим проектом, чтобы он мне все завалил.

– Вы уволены, Харрис, – сказал я. – Убирайтесь отсюда, и чтобы я вас больше не видел. И не советую больше пробовать себя в рекламном бизнесе.

Вернувшись в офис, я объявил:

– Вы уволены. Все. Собирайте вещи и убирайтесь. Расчет получите по почте.

Они смотрели на меня, разинув рты. Кэти у меня за спиной спросила вполголоса:

– Митч, это действительно необходимо?

– Да, черт возьми! Хоть кто-нибудь из них сообщил в головной офис о том, что здесь происходит? Нет, все расслабились и плыли по течению. Заразу нужно выжигать каленым железом.

Мимо нас бочком пробрался Харрис, с помятым портфелем в одной руке и плащом в другой. На меня он не смотрел. На лице застыло выражение недоумения и обиды. Как видно, он был уверен, что ссылка на Ранстеда его защитит.

Я прошел в опустевший кабинет и, сняв трубку, заказал прямой звонок в Нью-Йорк.

– Эстер? Это мистер Кортни. Я только что уволил весь наш отдел в Сан-Диего. Извести отдел кадров, пусть разберутся с их документами и выплатами. И позови к телефону мистера Ранстеда.

Минуты шли; я нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Наконец снова послышался голос Эстер:

– Мистер Кортни, прошу прощения, что заставила вас ждать. Секретарша мистера Ранстеда сообщила мне, что он успешно закончил работу с АГИ и уехал отдохнуть в Маленькую Америку.

– Отдохнуть? Боже правый! Он решил отдохнуть!.. Эстер, закажи мне билет в Маленькую Америку из Нью-Йорка. Отсюда вылетаю ближайшим рейсом. Оказавшись в Нью-Йорке, хочу немедленно пересесть на другой рейс и отправиться напрямик на Южный полюс. Поняла?

– Да, мистер Кортни.

Повесив трубку, я обнаружил, что Кэти смотрит на меня во все глаза.

– Знаешь, Митч, – сказала она, – наверное, я была к тебе слишком сурова. Злилась на твою резкость, на то, как ты любишь командовать. Теперь я понимаю, откуда все это – если твоя работа обычно выглядит так.

– Обычно она выглядит не так, – признал я. – С таким наглым саботажем я еще не сталкивался. Хотя острых углов хватает. Такой мир: все подсиживают друг друга. Заезаешься – тебя сожрут. Дорогая, мне нужно срочно вернуться на восточное побережье. Полетишь со мной?

Поколебавшись, она ответила:

– Не возражаешь, если я останусь? Мне хочется отдохнуть и осмотреть город.

– Разумеется. Отдыхай на здоровье. А когда вернешься в Нью-Йорк, я буду там.

Мы поцеловались, и я поспешил на выход. Офис уже опустел; я попросил привратника, когда уйдет Кэти, прибрать здесь все и запереть здание до лучших времен.

На улице я оглянулся и увидел в окне этого неправдоподобного зыбкого здания Кэти. Она смотрела на меня и махала мне рукой.

Глава шестая

Едва сойдя с трапа в Нью-Йорке, я увидел Эстер.

– Молодчина! – похвалил я ее. – Когда отправляется ракета в Антарктику?

– Через двенадцать минут, мистер Кортни. С полосы номер шесть. Вот ваш билет. И завтрак на всякий случай.

– Вот за это спасибо! Я как раз не успел позавтракать.

Мы направились к полосе номер шесть. По дороге я торопливо жевал сэндвич с эрзац-сыром.

– Как дела в офисе?

– Увольнение всех сотрудников в Сан-Диего наделало много шума. Отдел кадров пожаловался на вас мистеру Шокену, но тот встал на вашу сторону. Примерно на четыре балла.

Четыре? Так себе результат. Я бы предпочел все двенадцать баллов – рев разъяренного урагана, слышимый далеко за пределами его кабинета: «Да как вы, неумехи, осмеливаетесь подвергать сомнению решение члена правления, работающего над собственным проектом? Что вы в этом понимаете?» – и так далее.

Четыре балла – это легкое, почти незаметное волнение. Что-то вроде: «Джентльмены, уверен, что у мистера Кортни были на это весьма основательные причины. Те, кто занят рутинной работой, часто теряют чувство перспективы, и картина в целом от них ускользает...»

– Скажи, – спросил я у Эстер, – секретарша мистера Ранстеда – просто наемный работник или... – тут я хотел сказать «его подпевала», но удержался, – его доверенное лицо?

– Она к нему достаточно близка, – уклончиво ответила Эстер.

– И как она отреагировала, узнав про Сан-Диего?

– Я слышала, мистер Кортни, что она долго смеялась.

Я решил не продолжать эту тему. Выяснить, что думает о тебе начальство, – одно дело, но выспрашивать подчиненных друг о друге – значит поощрять их к доносам. Хотя в нашем офисе хватало охотниц «стучать» друг на дружку.

– Вернусь очень скоро, – сказал я. – Только улажу кое-что с Ранстедом.

– Ваша жена с вами не полетит? – спросила она.

– Ну нет! Моя жена – хирург. Я собираюсь разорвать Ранстеда на кусочки, и еще не хватало, чтобы доктор Нейвин потом его сшила!

Эстер вежливо рассмеялась:

– Приятной поездки вам, мистер Кортни.

Мы были уже на полосе номер шесть.

Поездка оказалась вовсе не из приятных. Мерзкий полет в тесноте мерзкой туристической ракеты. Летели мы низко над землей, со всех сторон окруженные призматическими иллюминаторами, которые неизменно вызывают у меня воздушную болезнь. Поворачиваешь голову, чтобы посмотреть в окно – и видишь пейзаж вертикально под собой, как будто тебя вертит в воздухе туда-сюда. Что еще хуже, здесь гоняли рекламу «Таунтон ассошиэйтед». Только успеешь убедить себя, что с желудком все в порядке, а внизу есть на что посмотреть, – и вдруг та-дам! Стекло затуманивается, по нему начинает ползти вульгарная реклама какой-нибудь очередной дряни, а в уши ввинчиваются идиотские прилипчивые таунтоновские стишки.

Пролетая над долиной Амазонки, я с интересом рассматривал «Третью Электрическую» – величайшую в мире гидроэлектростанцию, как вдруг в самое ухо мне заорало:

*Чудо-лифчик, чудо-лифчик,
Что за чудо из чудес!
Он во всех мужчинах мира*

Разожжесет к вам интерес!

Сопровождали этот ужас анимированные картинки «до и после» – в жизни не видывал такой пошлятины! Я возблагодарил Бога, что не работаю на «Таунтон ассошиэйтед».

То же самое – над Тьерра-дель-Фуэго. Здесь ракета сделала большой круг, чтобы пассажиры могли полюбоваться на китовые плантации: огромные участки океана, огороженные ловушками, которые пропускают планктон вместе с китами, но не дают китам выбраться наружу. Вид китихи, кормящей малыша, всерьез меня увлек – было похоже на дозаправку самолета в воздухе. Потом стекло вновь затуманилось, и я получил еще порцию шок-контента от Таунтона:

Эй, девчонка! Знаешь, чем пахнет твоя юбчонка?

Дальнейшее предназначалось непосредственно для органов обоняния. Это было уж слишком: я выхватил бумажный пакетик и воспользовался им по назначению под радостное щебетание рекламы:

Мужчины на тебя и не глядят? Тебе поможет «Дивный аромат»!

Дезодорант «Дивный аромат»: повышает желание, облегчает понимание!

А следом – внезапно сухой и прозаический медицинский совет:

НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ОСТАНОВИТЬ ПОТООТДЕЛЕНИЕ. ЭТО РАВНОСИЛЬНО САМОУБИЙСТВУ. ВРАЧИ РЕКОМЕНДУЮТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ДЕЗОДОРАНТАМИ, А НЕ АНТИПЕРСПИРАНТАМИ.

Дальше повтор первой строчки и новая волна запахов. Впрочем, мне было уже все равно: в желудке ничего не осталось.

Таунтон обожает вставлять в рекламу медицинские рекомендации. Дешевый трюк. И можно подумать, он сам его изобрел!

Мой сосед, невзрачный потребитель в костюме от «Юниверсал», наблюдал за моими мучениями с явной иронией.

– Что, приятель, это для вас уж слишком? – поинтересовался он с тем мерзким самодовольством, с каким обычно смотрят на нас счастливики, не страдающие воздушной болезнью.

– Угу, – промычал я.

– Да, от такой рекламы кого угодно стошнит! – продолжал он, видимо, поощренный моим красноречивым и остроумным ответом.

Такого я стерпеть не мог.

– Можно уточнить, что вы имеете в виду? – поинтересовался я ледяным тоном.

Это его напугало.

– Просто хотел сказать, что запах уж очень бьет в нос, – торопливо объяснил он. – Но только в этой рекламе. Я не про рекламу в целом. Что вы! Я добропорядочный гражданин!

– Вот и славно, – сказал я и отвернулся.

Но он, все еще обеспокоенный, принялся доказывать мне свою благонадежность:

– Клянусь вам, со мной все в порядке! Я из приличной семьи, учился в хорошей школе. Сам занимаюсь производством – у меня в Филадельфии мастерская по изготовлению штампов, – однако прекрасно понимаю, что товары надо продавать. Каналы распространения, создание новых рынков, вертикальная интеграция... Видите? Я порядочный человек!

– Хорошо, хорошо, – проворчал я. – Просто больше не распускайте язык.

Он съезжился на своей половине сиденья. Не скажу, что мне понравилось затыкать ему рот, но это дело принципа. Пусть впредь думает, что говорит.

Над Маленькой Америкой мы зависли и некоторое время болтались в воздухе, ожидая, пока зайдут на посадку еще два туристических судна. Одно было из Индии: при виде его у меня потеплело на душе. Весь корабль, от носа до хвоста, создан «Индиастрией»! Команда прошла обучение в «Индиастрии» и на «Индиастрию» же работает. Пассажиры, и спящие, и бодрствующие, непрерывно приносят доход «Индиастрии». А «Индиастрия» приносит доход «Фаулер Шокен ассошиэйтед»!

Пассажирский фургон доставил нас к круглому корпусу Маленькой Америки с двойными пластиковыми стенами. Пропускной пункт здесь был только один. Маленькая Америка – чисто туристический объект, устройство для выкачивания денег из отдыхающих со всего света. Военного значения она не имеет. (На Антарктиде есть военные базы, но они невелики, разбросаны по всему региону и спрятаны глубоко подо льдом.) Тепло и энергию здесь дает небольшой ториевый реактор. Даже если какая-нибудь иностранная держава, отчаявшись заполучить собственное ядерное топливо, вздумает захватить реактор – ничего полезного с военной точки зрения она здесь не найдет. В помощь реактору используются ветряные двигатели, а ветряным двигателям, в свою очередь, помогают какие-то непостижимые для меня «тепловые насосы».

На пропускном пункте я спросил о Ранстед. Чиновник заглянул в регистрационный журнал.

– Да, приехал из Нью-Йорка в двухдневный тур. Турагентство «Томас Кук и сыновья». Его номер – III-C-2205.

Он достал карту Маленькой Америки и показал мне, где это находится: третье кольцо снаружи, третий надземный этаж, пятый сектор, комната двадцать два.

– Вы легко его найдете. Могу поселить вас в номере рядом, мистер Кортни...

– Спасибо. Это подождет.

Я пробрался сквозь толпу, разговаривающую на дюжине языков, нашел номер III-C-2205 и позвонил в дверь. Ответа не было.

Тут ко мне подскочил приятный молодой человек:

– Меня зовут мистер Кэмерон, я директор туров. Чем могу помочь?

– Где мистер Ранстед? Он мне срочно нужен по делу.

– Ай-яй-яй! Сюда приезжают, чтобы забыть о делах! Если подождете минуточку, я посмотрю в регистрационной книге...

Парень привел меня в свой кабинет (жилая комната плюс туалетная кабинка) сектором выше и принялся копаться в гроссбухах.

– «Восхождение на ледник Старрзелиус», – прочитал он наконец. – Смотрите-ка! Пошел в одиночку. Вышел в 7.00, в электрокомбинезоне с пеленгатором и запасом питания. Вернуться должен примерно через пять часов. А вы уже взяли себе номер, мистер?..

– Пока нет. Я пойду за Ранстедом. Мое дело не терпит отлагательств.

Так оно и было. Я чувствовал, что меня хватит удар, если в самое ближайшее время не схвачу этого ублюдка за горло!

Минут пять директор туров с волнением в голосе объяснял, что выгоднее и безопаснее всего мне будет подписать с ним договор и воспользоваться его услугами. Он все организует. А иначе придется собирать себе снаряжение с бору по сосенке: что-то покупать, что-то арендовать, у одного посредника, у другого... на выходе непременно выяснится, что что-нибудь не работает – а посредника уже ищи-свищи! Вот так и отпуск пройдет. Я подписал договор, и он, просяив, немедленно выделил мне номер.

Через пять минут мистер Кэмерон уже выдавал мне снаряжение:

– Рюкзак-батарею закрепите на плечах, вот так. Это единственное, что может вас подвести. Если откажет батарея, просто примите таблетку снотворного и ни о чем не тревожьтесь. Вы начнете замерзать, но мы доставим вас домой быстрее, чем вы успеете серьезно переохладиться или обморозиться. Ботинки. Застегиваются вот так. Перчатки. Их вот так. Комбине-

зон. Капюшон. Маска. Солнечные очки. Радиопеленгатор. Просто произнесите вслух «Ледник Старрзелиус», и он сам задаст направление. Два переключателя с простыми обозначениями: «Вверх» и «Вниз». При подъеме вы слышите сигналы «Бип-бип!», при спуске – «Бип-бип!». Легко запомнить, правда? При подъеме тональность повышается, при спуске снижается. Большая красная рукоять – сигнал тревоги; потяните за нее – и вы в эфире. Через пятнадцать минут к вам прибудет вертолет. Спасательная экспедиция – за ваш счет, так что не советую дергать рукоять просто ради того, чтобы вернуться домой. Всегда ведь можно отдохнуть, глотнуть кофеэста, отдышаться и продолжить путь. Карта с указанием маршрута. Снегоступы. Гирокомпас. И питание. Теперь, мистер Кортни, вы полностью готовы к путешествию! Пойдемте, я проведу вас на выход.

Звучал этот перечень жутковато, но на деле все оказалось довольно удобно. Зимой в Чикаго, когда с озер дули холодные ветра, приходилось и посерьезнее укутываться. Массивные и тяжелые грузы – батарея, пеленгатор, запас питания – были удачно распределены. Снегоступы складывались и превращались в пару палок со стальными наконечниками, с какими удобно взбираться по льду; в таком виде их можно было сунуть в специальный карман на спине.

На выходе меня со всех сторон осмотрели и ощупали. Для начала проверили пульс, затем перешли к снаряжению, уделив особое внимание батарее. Мой пеленгатор настроили на ледник Старрзелиус, сто раз предупредив о том, что нельзя отклоняться от маршрута.

Холода не чувствовалось совсем – по крайней мере, в костюме. На секунду я высунул лицо из капюшона... упс! – и тут же снова спрятался под маску. По словам сотрудников, здесь сорок градусов ниже нуля: для меня эта цифра ровно ничего не значила, пока на мгновение я не ощутил ее кончиком собственного носа.

Вблизи огромного пластикового «чума» Маленькой Америки снегоступы не требовались: здесь я шел по обледенелой тропе, для которой вполне подходили ботинки с шипованной подошвой. Я сориентировался по гирокомпасу и зашагал по тропе прочь от здания, в необъятную белизну. Время от времени нажимал на кнопку пеленгатора, вмонтированную в левый рукав, и слышал в капюшоне бодрое: «Бип-бип! Бип-бип!»

Я миновал группу туристов, резвящихся в снегу – то ли индусов, то ли китайцев, и помахал им рукой. Представляю, какое это для них приключение! Вон, жмутся к стене Маленькой Америки, словно неопытные пловцы к берегу. Чуть подальше еще одна группа играла в неизвестную мне игру: очертили прямоугольное поле, поставили по двум его сторонам шесты, а на шестах – корзины без дна и старались забросить в какую-нибудь из этих корзин большой силиконовый мяч. А еще дальше инструкторы в красных костюмах учили группу туристов кататься на лыжах.

Мне казалось, я прошел всего несколько минут, но когда оглянулся, красных костюмов позади уже не было. Да и сама Маленькая Америка превратилась в едва заметную белесую тень. «Бип-бип!» – позвал вперед мой пеленгатор, и я продолжил путь. Скоро, скоро я доберусь до Ранстеда!

Одиночество, пустота, бескрайний простор вокруг – все это было очень непривычно, но, пожалуй... пожалуй, не неприятно. Маленькая Америка окончательно растаяла позади. Быть может, так же чувствовал себя Джек О'Ши на Венере? Поэтому, рассказывая о своем полете, он с трудом подбирал слова и всегда оставался недоволен тем, что говорил?

Ноги начали тонуть в снегу; я распаковал и надел снегоступы. Поначалу в них спотыкался, потом приноровился и перешел на легкий скользящий шаг. Что за удовольствие! Не то чтобы паришь над землей – но нет в этом и ничего от обычной ходьбы, от размеренных ударов подошвами по полу или мостовой. За тридцать с лишним лет жизни мне еще не приходилось ходить иначе, чем по твердой земле.

Я шел по компасу, выбирая себе все новые ориентиры: причудливо торчащий ледяной торос, голубую тень во впадине на белой равнине. Пеленгатор подтверждал, что курс выбран верно, и я не на шутку возгордился своим умением ориентироваться в дикой природе.

Часа через два вдруг страшно захотелось есть. Чтобы перекусить, надо было опуститься на корточки, поставить силиконовую палатку и в нее забраться. Время от времени я осторожно высовывал нос и через пять минут убедился, что температура в палатке стала вполне терпимой. Я жадно съел саморазогревающееся жаркое, выпил чаю, а затем попытался выкурить сигарету. Однако на второй затяжке маленькая палатка наполнилась дымом, и у меня зашипало в глазах. С сожалением я загасил сигарету о подошву, натянул маску, сложил палатку, с наслаждением потянулся – и продолжил путь.

Наверное, все не так уж страшно, говорил я себе. Наверное, дело просто в разнице температур. Ранстед – малый приземленный, ему не под силу разглядеть те грандиозные перспективы, что вижу я. Ничего плохого он, конечно, не хочет. Просто искренне считает, что это безумная идея. Ему не понять, что есть люди, готовые вести новую жизнь на Венере, надо лишь найти их и убедить... Увы, эти прекраснодушные размышления разлетелись в прах под ударом одной простой мысли. Ранстед тоже здесь, на леднике. И в грандиозных перспективах, несомненно, знает толк – иначе с чего бы из всех мест на земле ему выбрать ледник Старрзелиус?

«Бип-бип!» – звал вперед пеленгатор. Скоро, скоро все решится!

Глянув сквозь визир компаса, я заметил прямо по курсу неподвижный темный предмет. Что это такое – сказать было мудрено. Во всяком случае, предмет не двигался. Я попытался бежать, но скоро начал задыхаться и принужден был замедлить шаг.

Это был человек. Когда я оказался от него метрах в двадцати, он нетерпеливо взглянул на часы, и я снова перешел на неуклюжий бег.

– Мэтт! – крикнул я. – Мэтт Ранстед!

– Верно, Митч, – ответил он с вечной своей наглой ухмылкой. – Ты сегодня на редкость проницателен.

Я молча смотрел на него, лихорадочно соображая, с чего начать. Он стоял передо мной: сложенные снегоступы его, воткнутые в снег, торчали рядом.

– Какого... какого... – начал я, но он меня перебил:

– Знаешь, я потратил на тебя уже слишком много времени. Прощай, Митч!

Я стоял перед ним, не понимая, что происходит, – а он схватил снегоступы, поднял в воздух и с размаху треснул меня по макушке. Я повалился навзничь: голова словно взорвалась от боли, потрясения и гнева. Я чувствовал, как Мэтт наклоняется надо мной, шарит у меня на груди... Дальше все померкло.

Проснулся я с мыслью, что во сне сбросил одеяло и что для начала осени сейчас как-то холодновато. Открыл глаза – их обожгла ледяная голубизна антарктического неба, а под собой я ощутил хрустящий снежный наст. Так это не сон! Голова болела страшно, а еще было холодно. Чертовски холодно. Пошарив в поисках батареи, я ее не нашел. Вместе с нею исчез подогрев комбинезона, ботинок и перчаток. Заглох лишенный питания пеленгатор. Даже подать сигнал бедствия я теперь не мог.

Пошатываясь, я поднялся на ноги. Холод сжал меня словно клешнями. На снегу виднелись следы, ведущие – куда? Да это же мои собственные! С трудом передвигая одеревеневшие ноги, я двинулся по своим следам назад. Шаг, и еще, и еще...

Еда! Можно засунуть брикеты горячего питания под комбинезон, открыть – и их тепло хоть ненадолго меня согреет. Мучительно преодолевая шаг за шагом, я размышлял, как лучше поступить: присесть и отдохнуть, впитывая драгоценное тепло, или продолжать идти? Нет, нужно передохнуть, сказал я себе. Произошло что-то немыслимое, к тому же голова раскалы-

вается. Присяду на минуту, открою брикет или два, согреюсь, мне станет получше, и пойду дальше.

Но садиться я не стал. Понимал, чем это кончится. На ходу – шаг за шагом, сквозь холод и боль – задубелыми, уже почти не повинующимися пальцами я извлек из кармана банку «коместа» и неуклюже сунул ее за ворот комбинезона. Однако нажать на кнопку и вскрыть банку никак не удавалось. Все-таки придется присесть, сказал я себе. Всего на минутку, чтобы набраться сил. Главное – не ложиться, хоть и очень хочется...

Наконец мне удалось нажать на кнопку, и банка открылась, обдав меня почти обжигающим жаром.

Все поплыло перед глазами и в мозгу. Помню, как я открывал банку за банкой. Помню, как пытался достать консервы из кармана и не смог. По крайней мере, один раз сел. Потом встал. И снова сел, чувствуя стыд за свою слабость. Всего секунду, говорил я себе. Всего секунду, а потом поднимусь и пойду дальше – ради Кэти. Через две секунды. Ради Кэти. Через три. Ради...

Я так и не поднялся.

Глава седьмая

Уснул я на ледяной горе, а проснулся в гудящем и пылающем аду, с алым пламенем и свирепого вида чертями-надсмотрщиками. Именно так я представлял себе посмертную участь служащих «Таунтон ассошиэйтед» – и был немало удивлен, оказавшись в пекле сам.

Смятение длилось недолго. Один из бесов-надсмотрщиков грубо толкнул меня в плечо и проговорил:

– Эй, соня, хватит храпака давить! Подсоби-ка, надо убрать койку.

В голове прояснилось; я понял, что передо мной не дьявол, а всего лишь потребитель из низших классов. Больничный санитар?

– Где я? Это Маленькая Америка?

– Хрен знает что ты несешь, – проворчал он. – Так чего, подсобишь?

– Еще чего! – воскликнул я. – Думай, с кем говоришь! Я – сотрудник рекламного агентства звездного класса!

Он посмотрел на меня с сожалением, пробормотал что-то вроде: «Совсем крыша поехала» – и побрел прочь, в гудящую, подсвеченную багровым мглу.

Я, шатаясь, поднялся на ноги и вцепился в локоть еще какого-то человека, пробегающего мимо меня, из тьмы во тьму.

– Извините, что это за место? Больница?

Этот потребитель оказался нравом покруче первого.

– А ну грабли свои убрал, быстро! – заорал он. Я убрал руку. – Хочешь сказать больным, погоди, пока причалим, – добавил он.

– Причалим?

– Ну да, причалим. Ты что, чувак, забыл, как подмахивал контракт?

– Подмахи... Я ничего не подписывал! И нечего со мной фамильярничать. Я сотрудник рекламного агентства звездного кла...

Тут его лицо просветлело.

– Во блин! Как я сразу-то не понял! Жди здесь, придурок, щас принесу то, что тебе придется по вкусу!

Скоро он вернулся. «То, что придется мне по вкусу» оказалось маленькой зеленой таблеткой.

– Всего пять сотенных, – пояснил потребитель. – Хочешь, организуем тебе припадочек? Не хочешь? Ну, тогда эта пилюля поможет тебе продержаться до высадки...

– Да что за высадка? – завопил я. – Куда? Ничего не понимаю! И наркотики твои мне не нужны! Просто объясни, где я нахожусь, что такое якобы подписал и как отсюда выбраться?

– Чувак, – проговорил он, внимательно ко мне присмотревшись, – да тебя не на шутку переглючило. По башке треснули, что ли? Ну слушай, придурок: ты в трюме номер шесть «Томаса Мальтуса», транспорта для перевозки рабочей силы. Направление ветра, температура за бортом... ну, это пофиг. Курс 273 градуса. Скорость – 300 узлов, пункт назначения – Коста-Рика. Везет неудачников вроде нас с тобой на плантацию «Хлореллы».

Я все не мог понять, розыгрыш это или... Кто из нас сошел с ума?

– А ты... – начал я неуверенно.

– А мне не повезло, – с горечью закончил мой новый знакомец, устремив взгляд на зеленую пилюлю у себя на ладони. Потом вдруг одним движением закинул ее себе в рот и продолжил: – Знаешь, недолго мне тут торчать. – В глазах у него появился нездоровый блеск. – Я придумал новый эффективный метод работы на плантациях. Через неделю стану десятником. Через месяц мастером. Через год директором. А потом скуплю ракеты «Кьюнард-Лайн» и все их отделаю чистым золотом! Все места будут первого класса. Для моих пассажиров –

только самое лучшее! И будем тарыхтеть над Атлантикой туда-сюда. А тебе, придурок, выделю президентскую каюту на флагманском судне и отделаю ее листами золота. Для своего дружка-придурка ничего не пожалею! Не хочешь золото – возьму платину. Не хочешь платину...

Я отодвинулся, но он даже не заметил: продолжал бессвязно нести какую-то чушь о своем грядущем богатстве. Я от души порадовался, что никогда не принимал наркотики. Отойдя подальше, с чувством полной безнадежности я сел на пол и прислонился к перегородке трюма.

– Приветик! – послышался над ухом вкрадчивый голос. Кто-то пристроился со мной рядом.

– Здравствуйте, – ответил я. – Скажите, мы действительно плывем на Коста-Рику? Как мне встретиться с капитаном? Произошла какая-то ошибка...

– Да не волнуйся так, – ласково ответил мой сосед. – Чего нервничать-то? Расслабься, милоч. Знаешь, мой девиз: ешь, пей и веселись, живи и давай жить другим...

– Так, грабли свои убрал! – рявкнул я.

Он разразился визгливой бранью, а я встал и пошел прочь, спотыкаясь в темноте о чужие тела и ноги.

Мне вдруг пришло в голову, что никогда прежде я не общался с потребителями – разве только с теми, кто меня обслуживал, и то всего по несколько минут.

Теперь я мечтал лишь об одном: выбраться из трюма номер шесть. Вернуться в Нью-Йорк, выяснить, что за трюк и с какой целью провернул Ранстед. Вернуться к Кэти, к дружбе с Джеком О'Ши, к увлекательной работе на Фаулера Шокена. Я еще столько не успел!..

Над дверью в свете тусклой красной лампочки виднелась надпись «Аварийный выход». Я вздрогнул, представив себе, как что-то случается – и толпа из нескольких сот человек ломится в эту единственную дверь.

– Извиняй, приятель, – произнес кто-то со мной рядом, – но лучше тебе посторониться!

Незнакомец согнулся пополам, и его начало рвать. Как видно, бумажные пакетики для страдающих морской болезнью здесь были не предусмотрены. Я открыл дверь аварийного выхода и проскользнул наружу.

– Куда? – рявкнул на меня детина в форме.

– Мне нужно встретиться с капитаном, – сказал я. – Я попал сюда по ошибке. Мое имя Митчелл Кортни, я ведущий сотрудник рекламного агентства «Фаулер Шокен ассошиэйтед»...

– Номер! – приказал он.

– 16-156-187, – ответил я и сам расслышал в своем голосе нотку гордости. Можно потратить деньги, здоровье, друзей, но номер – короткий идентификационный номер, свидетельствующий о высоком положении, – никто у тебя не отнимет...

Охранник довольно осторожно закатал мне рукав. Однако в следующий миг я отлетел и врезался спиной в перегородку; щека у меня пылала от смачной оплеухи.

– Что ты мне голову морочишь? – взревел охранник. – Вали-ка к себе в трюм, придурок, ты тут не на экскурсии!

В полном смятении я смотрел на сгиб собственного локтя. Вытатуированный номер гласил: «1304-9974-1416-156-187723». Мой родной номер был замаскирован посторонними цифрами – и замаскирован очень умело, так что трудно было заметить разницу.

– Ну, чего ждешь? – поинтересовался охранник. – Номера своего никогда не видел?

– Нет, – ответил я ровным голосом, хотя ноги подо мной подкосились. Я был напуган – напуган до ужаса. – Никогда не видел. Эта татуировка сделана вокруг моего настоящего номера. Говорю вам, я Кортни. Я могу это доказать. Я заплачу...

Я начал торопливо рыться в карманах, однако не нашел там ни единой монетки. Только теперь я заметил, что облачен в дешевое мешковатое тряпье от «Юниверсал», заляпанное пятнами еды, а может, и чем похуже.

– Так плати, – равнодушно бросил охранник.

– Заплачу позже, – пообещал я. – Просто отведите меня к начальству...

Тут в узкий коридорчик выглянул шустрый на вид молодой лейтенант в форме «Панагры».

– Что здесь происходит? – требовательно спросил он. – Почему в трюме свет? Почему между палубами шляются посторонние? Знаете, ваше агентство нам рекомендовали как надежное.

– Извините, мистер Коблер, – отвечал охранник, вытянувшись и отдавая честь. – Парень, похоже, упоролся. Вылез сюда и плетет какую-то чушь: будто бы он большая шишка в рекламе, а сюда попал по ошибке...

– Взгляните на мой номер! – закричал я лейтенанту.

Я ткнул ему под нос свой локоть, и тот поморщился. Охранник схватил меня за шиворот.

– Эй, не приставай к...

– Минуточку, – сказал лейтенант. – Вижу. Номер. И предлинный номер, приятель. Что ты хочешь доказать?

– Мой настоящий номер – 16-156-187. Остальные цифры фальшивые. Они приписаны, спереди и сзади. Видите? Тут цифры другие!

Стараясь не дышать носом, лейтенант наклонился и присмотрелся к моему номеру.

– Хм... – протянул он. – Вообще-то все может быть... Пойдем-ка со мной.

Испуганный охранник поспешил открыть перед нами дверь.

Лейтенант провел меня через ревущий лабиринт машинного отсека в каюту второго помощника размером со шляпную коробку. Второй помощник оказался маленьким остролицым человечком; форма «Панагры» висела на нем мешком.

– Покажи ему свой номер, – приказал лейтенант.

Я повиновался.

– И что не так? – спросил второй помощник. Он вставил кассету в читальный аппарат и начал крутить рукоять. – 1304-9974-1416-156-1877023. Гроуби, Джордж Уильям, пол мужской, 26 лет, холост; рос в неполной семье (отсутствие отца); третий из пятерых детей; выносливость 1, здоровье 2,9, работал по второй категории семь лет, по полуторной – три месяца; образование 9, подписан трудовой контракт по форме Б. – Второй помощник поднял взгляд на офицера. – Данные самые обычные, лейтенант. Что в нем такого? Почему я должен им заинтересоваться?

– Он заявляет, – ответил лейтенант, – что он сотрудник рекламного агентства и попал сюда по ошибке. Говорит, кто-то поменял ему номер. И речь у него слишком правильная для его класса.

– Да ладно! – протянул второй помощник. – Вот уж это ровно ничего не значит. Из низших классов, рос в неполной семье, средним ребенком – такие часто стараются много читать и расширять свой кругозор, чтобы выбиться в люди. Однако...

– Хватит! – рявкнул я, чувствуя, что всем этим сыт по горло. – Я Митчелл Кортни. Я могу вас всех продать, купить и даже не заметить, что потратился! Я отвечаю за проект «Венера» в «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Я хочу, чтобы вы немедленно позвонили в Нью-Йорк и положили конец этому фарсу. Живо, черт побери!

Лейтенант, явно встревоженный, потянулся к телефону, но второй помощник с усмешкой отстранил его руку.

– Значит, вы Митчелл Кортни? – ласково спросил он. Затем потянулся за другой кассетой и вставил ее в читалку. Немного покрутил. – А теперь посмотрите сюда!

Мы с лейтенантом наклонились к экрану.

Перед нами открылась первая страница «Нью-Йорк таймс». И на первой полосе – некролог: Митчелл Кортни, глава отдела «Венера» компании «Фаулер Шокен ассошиэйтед», замерз на леднике Старрзелиус близ Маленькой Америки. Начал копать в батарее, и она отказала.

Лейтенант после этого потерял интерес к некрологу, а вот я дочитал до конца. Проектом «Венера» теперь занимается Мэтт Ранстед. Коллеги обо мне скорбят. Моя жена, доктор Нейвин, отказывается отвечать на вопросы журналистов. Фаулер Шокен произнес обо мне прочувствованные слова, приведенные в некрологе полностью. Я был близким другом Джека О'Ши, первого человека на Венере; он глубоко потрясен этой новостью и скорбит обо мне.

– Газету я купил в Кейптауне, – объяснил второй помощник. – А теперь, лейтенант, будьте добры, отведите этого придурка обратно в трюм.

Вновь явился охранник – и гнал меня пинками всю дорогу до трюма номер шесть.

Во тьме, подсвеченной красным, я сразу споткнулся и на кого-то упал. После относительно чистого воздуха снаружи вонь здесь была невыносимой.

– Эй, ты чего натворил? – добродушно спросил тот, на кого я наткнулся в темноте.

– Пытался объяснить, кто я... – Тут я сообразил, что зря стараюсь. – Что нас ждет дальше?

– Причалим к берегу. Высадимся. И будем вкалывать. У тебя какой контракт?

– Мне сказали, по форме Б.

Он присвистнул.

– М-да, приятель, попал ты в переделку!

– Почему? Что вообще все это значит?

– Ты что, не смотрел, что подписывал? Ну и дурень. Контракт Б – на пять лет. На такое соглашаются только беженцы или полные идиоты. Ну или такие, вроде тебя, готовые подмахнуть, не читая. Там, видишь ли, столько разных условий... Мне тоже предлагали форму Б, так я сразу сказал: если ничего получше у вас не найдется, пойду предложу свои услуги в «Бринк экспресс»! Они было уперлись, но и я стоял на своем и в конце концов добился контракта по форме Ф. Всего на год, можно делать покупки не только в магазинах компании, и все такое.

Мне казалось, что голова у меня сейчас взорвется.

– Не может же там быть настолько плохо! – пробормотал я. – Сельская жизнь... работа на земле... солнце и свежий воздух...

– Ну... – пожал плечами мой собеседник, – на плантации, наверное, все же лучше, чем на химических заводах. Хотя, пожалуй, хуже, чем в шахте. Да чего гадать? Скоро сам узнаешь!

Он отодвинулся, а я, хоть и собирался поразмыслить над тем, что делать дальше, задремал неглубоким тревожным сном.

Сигнала к высадке не было. Мы просто обо что-то ударились – и ударились как следует. Распахнулся разгрузочный люк; после полутьмы трюма от яркого тропического солнца заболели глаза. Вместо свежего воздуха ноздри резанула густая вонь дезинфицирующих средств. Я отделился от толпы ругающихся рабочих и поспешил к выходу.

– Придержи коней, болван! – рявкнул на меня мрачный тип со значком производственной службы безопасности на лацкане.

Он надел мне на шею номерок на шнурке. Все получили такие же номерки и выстроились в очередь к столу. На нас отбрасывала огромную тень сама плантация «Хлорелла» – здание офисного типа в восемьдесят этажей. Этажи – словно проволочные корзинки для бумаг, поставленные одна на другую, а между ними, на каждом ярусе, сверкают зеркальные жалюзи. Вся громадина сияет, на нее больно смотреть. Я понял, что зеркальные жалюзи призваны ловить солнечные лучи; они отражаются во все новых и новых зеркалах внутри здания, а затем направляются в чаны фотосинтеза. С земли казалось, что передо мной вырос Ад.

«Думай, черт возьми, думай!» – говорил я себе. А в мозгу назойливо вертелось: *«Снапоенных солнцем плантаций Коста-Рики, возвращенный умелыми руками независимых фермеров, гордых своим трудом, приходят к нам сочные, питательные белки «Хлореллы»...»* Да, эту рекламу сочинил я сам.

– Чего застряли? – послышался рев охранника. – А ну шевелитесь, никчемные ублюдки! Ну-ка, ну-ка, быстро!

Прикрыв «козырьком» глаза от солнца, я вместе с прочими побрел вперед. Когда подошла моя очередь, человек в черных очках за столом спросил:

– Имя?

– Митчелл Корт...

– Это тот, о котором я вам говорил, – послышался голос второго помощника.

– А, ясно. Спасибо. – И мне: – Знаешь, Гроуби, у нас тут бывали уже ребята, которые пытались отмазаться от контракта Б. И каждый из них очень об этом пожалел. Кстати, ты, может, знаешь, каков годовой бюджет Коста-Рики?

– Не знаю, – промямлил я.

– Около ста восьмидесяти трех миллионов долларов. А не знаешь ли случайно, какой ежегодный налог выплачивает корпорация «Хлорелла»?

– Нет. Черт возьми...

– Около ста восьмидесяти миллионов долларов, – прервал он меня. – Так что умный парень вроде тебя без труда сообразит: власти Коста-Рики – и суды Коста-Рики – с «Хлореллой» не спорят. Если мы захотим всем показать, что бывает с нарушителями контракта, они охотно помогут нам это устроить. Даже не сомневайся. Так как, говоришь, тебя зовут?

– Гроуби, – с трудом выдавил я.

– Имя? Образование? Уровень выносливости?

– Не помню. Если вы мне все это напишете на бумажке – выучу наизусть.

Второй помощник у меня за спиной рассмеялся и заметил:

– Похоже, с ним проблем не будет!

– И хорошо, – примирительно заметил человек в черных очках. – Расстанемся, как говорится, друзьями. Вот твой пропуск и направление. Будешь работать черпальщиком. Ну, пошел! И я пошел.

Охранник, взглянув на мое направление, рывкнул:

– Черпальщикам сюда!

«Сюда» означало внутрь здания, под еще более ослепительный свет, по коридору между невысокими чанами, источающими омерзительное зловоние, и наконец в центральную часть небоскреба. Здесь я попал в комнату, довольно хорошо освещенную; однако после многократно отраженного в зеркалах тропического солнца казалось, что в ней царит полумрак.

– Черпальщик? – поинтересовался кто-то. Я заморгал и кивнул. – А я Маллейн, раздаю задания. – Незнакомец взглянул на мой пропуск. – Хочу тебя спросить, Гроуби. Нам нужен черпальщик на шестьдесят седьмом этаже и еще один на сорок первом. Твоя койка будет на сорок третьем. Ты где больше хотел бы работать? Кстати, лифтов для черпальщиков и прочих рабочих второго класса у нас нет.

– Я бы предпочел на сорок первом, – ответил я, пытаюсь понять, к чему этот вопрос.

– Разумное решение, – похвалил он. – Очень, очень разумное!

Наступило долгое молчание. Маллейн стоял и чего-то ждал. Наконец добавил:

– Приятно видеть, когда разумный человек разумно и поступает. – И снова умолк.

– У меня нет при себе денег, – признался я.

– Не страшно, – ответил он. – Я тебе одолжу. Просто подпиши расписку, а в день зарплаты мы без шума все уладим. Стоимость услуги – всего пять долларов.

Я прочел расписку и подписался. Для этого пришлось заглянуть в свой пропуск: я снова забыл, как меня теперь зовут. Маллейн черкнул в углу расписки «41» и свои инициалы, а потом поспешил прочь, так и не одолжив мне пять долларов. Я не стал за ним гнаться.

– Я миссис Хоррокс, занимаюсь распределением по спальням, – ласково обратилась ко мне какая-то женщина. – Добро пожаловать в семью «Хлорелла», мистер Гроуби! Надеюсь, вы

проведете с нами много счастливых лет! А теперь к делу. Думаю, мистер Маллейн уже сообщил вам, что нынешнее пополнение оборванцев... я хотела сказать, новая группа контрактников... разместится на сорок третьем этаже. Моя задача – помочь каждому подобрать наиболее симпатичных и близких по духу соседей. Есть, например, – продолжала она, и мне показалось, что в улыбчивой физиономии ее появилось что-то паучье, – одна свободная койка в спальне номер семь. Там живут молодые люди – много прекрасных, милых молодых людей, настоящих красавчиков! Возможно, вам там понравится. Знаете, очень важно оказаться среди своих...

Я понял, к чему она клонит, и ответил, что в спальне номер семь мне совершенно не понравится.

– Тогда подумайте о номере двенадцать! – лучась улыбкой, продолжила она. – Боюсь, там народ малость грубоват, но ведь нищим выбирать не приходится, не так ли? В спальне номер двенадцать симпатичного молодого человека вроде вас примут с радостью. Да что там – с распростертыми объятиями примут! Только на всякий случай... надеюсь, у вас найдется с собой нож или что-нибудь такое. Так что же, мистер Гроуби, выписать вам пропуск в спальню номер двенадцать?

– Э-э... а какие еще есть варианты? – спросил я. – И, кстати, не согласитесь ли одолжить мне пять долларов до зарплаты?

– Хорошо, тогда в спальню номер десять, – ответила она, нацарапав что-то на клочке бумаги. – Конечно одолжу. Вы сказали, десять долларов? Здесь подпишите, мистер Гроуби, а здесь поставьте отпечаток пальца. Благодарю вас.

И поспешила прочь в поисках новой жертвы.

Следующим меня схватил за руку краснолицый толстяк и прохрипел:

– Брат, у меня для тебя ценное предложение! Вступай в ряды Объединенного профсоюза рабочих слизи-плесне-белковой промышленности Панамерики, местное отделение завода «Хлорелла», Коста-Рика! В этой брошюре, изданной ОПРСПБПП, ты прочтешь, как уберечься от шантажистов и вымогателей, которых в нашей индустрии пруд пруди. Вступительный и последующие взносы будут списываться автоматически, а вот за эту ценную брошюру надо заплатить.

– Брат, – ответил я ему, – скажи, что случится со мной, если я ее не куплю?

Он пожал плечами и кивнул в сторону лестницы:

– Полетишь вниз.

На брошюру ушла еще одна пятидолларовая ссуда.

Подниматься на сорок третий этаж, в спальню номер десять, пешком мне не пришлось. Верно, для рабочих второго класса лифты не предусмотрели, однако можно было проехать на грузовом подъемнике. Правда, при посадке и высадке требовалась отвага, а по дороге – стройность и осторожность: высунув наружу какую-нибудь часть тела, ты рисковал ее лишиться.

Спальня была вся заполнена койками: в три яруса, всего около шестидесяти. Производство на плантации шло только днем, так что спать по очереди не приходилось. Моя койка принадлежала мне двадцать четыре часа в сутки. Хотя бы за это можно было возблагодарить судьбу.

Старик с унылой физиономией лениво подметал центральный проход пустующей спальни.

– Новый черпальщик, что ли? – поинтересовался он и взглянул на мой пропуск. – Вот твоя койка. Я Пайн, за порядком тут слежу. А ты черпать-то умеешь?

– Нет, – ответил я. – Послушайте, мистер Пайн, как отсюда позвонить?

– В комнате отдыха есть телефон, – ответил он и ткнул большим пальцем в сторону двери.

Я отправился в комнату отдыха. Здесь действительно был телефон, а кроме того, гипно-экран во всю стену, читалки, кассеты и журналы. Я стиснул зубы: со всех полок сверкали и били мне в глаза красочные обложки «Еженедельника Таунтон».

Телефон, разумеется, оказался платным.

Я помчался обратно в спальню.

– Мистер Пайн, – обратился я к нему, – не могли бы вы ссудить мне двадцать долларов мелочью? Мне нужно сделать международный звонок.

– Даю двадцать, отдаешь двадцать пять – пойдет?

– Конечно. Пожалуйста. Как скажете.

Он нацарапал мне корявую расписку; я подписал и приложил палец. Затем Пайн извлек из мешковатых карманов монеты.

Я хотел позвонить Кэти, но не осмелился. Бог знает, где она сейчас, в больнице или дома. Что, если звонок пропадет зря? Поэтому набрал пятнадцать цифр номера «Фаулер Шокен ассошиэйтед» и всыпал в пасть таксофона звенящий ручеек монет. Я ждал голоса нашей телефонистки: «Добрый день, это «Фаулер Шокен ассошиэйтед». Для нашей фирмы и наших клиентов день всегда добрый. Чем могу вам помочь?»

Но услышал я совсем другое. Из трубки донеслось:

– *Su numero de prioridad, par favor?*⁸

Приоритетный номер для международных звонков. У меня такого не было. Чтобы получить приоритетный номер из четырех цифр, фирма должна обладать капиталом не менее чем в миллиард и аккуратно вносить плату за услуги. Что же до индивидуальных приоритетных номеров – таких просто не бывает да и быть не может. Слишком перегружена в наше время международная связь. Разумеется, все это меня не беспокоило, пока я делал международные звонки как сотрудник «Фаулер Шокен», пользуясь приоритетным номером компании. Еще одна роскошь, без которой теперь придется обойтись.

Я медленно повесил трубку. Монеты таксофон не вернул.

Можно им всем написать, думал я. Написать письма Кэти, Джеку О’Ши, Фаулеру, Коллеру, Эстер, Тильди. Никого не пропуская. «Дорогая моя жена (дорогой шеф)! Хочу известить, что ваш муж (сотрудник), которого вы считаете мертвым, на самом деле не умер, а непостижимым образом попал на работу по контракту на коста-риканские плантации «Хлореллы». Пожалуйста, бросайте все свои дела и бегите его спасать. Подпись: любящий муж (сотрудник), Митчелл Кортни.

Вот только в «Хлорелле» наверняка работает цензура.

Тупо глядя перед собой, я побрел обратно в спальню. Тем временем там начали собираться местные обитатели.

– Гляди-ка, новичок! – заорал один, заметив меня.

– Встать, суд идет! – радостно завопил другой.

За то, что произошло дальше, я не держу на них зла. Это местная традиция, хоть немного разбавляющая монотонные будни – краткая возможность обрести власть над кем-то, еще более униженным и несчастным, чем ты сам. Все они тоже через это прошли. Подозреваю, обряд инициации, принятый в спальне номер семь, понравился бы мне еще меньше, а из спальни номер двенадцать я мог бы и не выйти живым. Нет, в спальне номер десять я легко отделался. Уплатил «штраф» – еще одну долговую расписку, получил несколько тычков и затрещин, повторил вслед за остальными какую-то шутовскую присягу – и сделался полноправным членом общегития.

Потом был ужин, но я не поплелся со всеми в столовую. Я лежал на койке и мечтал стать тем, чем считал меня весь мир, – мертвецом.

⁸ Ваш приоритетный номер, пожалуйста (*исп.*).

Глава восьмая

Работать черпальщиком не так уж сложно. Встаешь на рассвете. Торопливо заглатываешь завтрак, отрезанный накануне от Цыпочки, запиваешь кофеэстом. Натягиваешь комбинезон, прыгаешь на грузовой подъемник и доезжаешь до своего этажа. И здесь, в слепящем свете, от рассвета до заката ходишь между акрами и акрами невысоких чанов, заполненных водорослями. Если идти медленно, каждые полминуты или около того замечаешь в каком-нибудь чане созревший участок, пузырящийся сочными углеводами. Его нужно подцепить черпаком и бросить в желоб. Там его либо упакуют в тару на экспорт, либо переработают на глюкозу для кормления Цыпочки, от которой, в свою очередь, отрезают ломти, упаковывают и развозят всюду, где живут люди, от Баффинленда до Маленькой Америки. Каждый час отпиваешь из фляги и бросаешь в рот солевую таблетку. Каждые два часа у тебя пятиминутный перерыв. На закате сбрасываешь комбинезон, идешь ужинать – на ужин еще несколько ломтиков Цыпочки, – а дальше у тебя свободное время. Можно болтать, можно читать, можно сесть перед гипноэкраном в комнате отдыха и погрузиться в транс, можно сходить за покупками, можно с кем-нибудь поругаться, можно просто сидеть и доводить себя до иступления мыслями о том, что все должно быть иначе. Можно просто свалиться и уснуть.

Первое время я только и делал, что писал письма и старался побольше спать. Неожиданно дали зарплату – я и не заметил, что прошло уже две недели. Получив деньги, я остался должен компании «Хлорелла» всего восемьдесят долларов и сколько-то там центов. Помимо уже известных долгов выяснилось, что надо сделать взнос в Фонд благосостояния служащих (сколько я смог разобраться, смысл в том, что я плачу «Хлорелле» налог за то, что у них работаю), уплатить вступительный и ежемесячный взносы в профсоюз, собственно налоги, взнос на медицинскую помощь («Медпомощь? Ага, попробуй только тут захворать!» – говорили по этому поводу более опытные люди), а также пенсионную страховку.

Слабо утешала мысль о том, что когда (да, «когда», твердил я себе) я отсюда выберусь, то буду знать потребителей лучше любого в нашем деле. Разумеется, в «Фаулер Шокен» были сотрудники из низов – толковые ребята, пробившиеся на государственную стипендию. Но теперь я понимал, что истинной картины того, чем живут и как мыслят потребители, от них не получить – сами они слишком презирают свое неприглядное прошлое, слишком стараются от него отдалиться. Я же обнаружил, что реклама воздействует на подсознание сильнее, чем привыкли считать специалисты. Снова и снова поражало меня, что рекламу здесь именуют попросту «этой чушью». Поначалу я был неприятно удивлен – а затем с облегчением понял, что, несмотря на это, она работает.

Больше всего интересовал меня, разумеется, отклик на проект «Венера». Неделя за неделей я наблюдал, как растет интерес к Венере даже у тех, кто никогда и не думал туда лететь и не знал никого, кто бы туда собирался. Слышал, как люди смеются над шутками и прибаутками, которые сочинили и запустили в народ мы, «Фаулер Шокен ассошиэйтед»:

– Венера – щедрая богиня, она всем дарит свою любовь. Даже крошка Джек О’Ши умудрился закрутить с ней роман!

Или:

– Решил расстаться с подружкой? Не вздумай бежать на Венеру: девушка сломя голову помчится за тобой!

И так далее. Игривые фразочки, на разные лады повторяющие одну мысль: «Венера» – это мужская состоятельность, это неотразимая привлекательность для женщин, это доступный секс.

Бен Уинстон и его отдел – едва ли не главные в нашей компании, я всегда об этом говорил. Особенно удаются им каламбуры, по большей части острые, а то и вовсе неприличные. И

правильно. В конце концов, секс – базовый инстинкт человечества. И что может быть важнее, чем сублимировать мощные, но низменные человеческие инстинкты, придать им цивилизованную форму и направить на достижение общественно полезных целей?

(Разумеется, я не оправдываю тех дельцов от рекламы, что любят порассуждать о якобы присущем человечеству «стремлении к смерти» и о том, что его тоже можно использовать для повышения продаж. Нет, такими вещами пусть занимаются Таунтоны нашей профессии! Это грязно, это безнравственно, с этим я не хочу иметь ничего общего. А кроме того – надо же думать хоть на шаг вперед! – неужели не очевидно, что игра на «инстинкте смерти» грозит снизить число потребителей?)

Одним словом, нет сомнений, что, связывая рекламные месседжи с одной из основных мотиваций человеческой психики, мы не просто продаем товары; мы укрепляем сексуальное желание, фокусируем, помогаем человеку его осознать – а значит, способствуем росту числа потребителей, без которого не будет расширения рынков.

«Хлорелла», как я с радостью узнал, хотя бы в этом отношении о своих работниках заботилась на совесть. Вместе с едой все мы получали соответствующие гормональные препараты, а на пятидесятом уровне имелся роскошный Зал досуга на тысячу коек. Единственное условие, которое ставила компания касательно детей, рождавшихся на плантации: в случае, если на одиннадцатый год жизни ребенка хотя бы один из его родителей по-прежнему работает на «Хлорелле», с ребенком автоматически заключается долгосрочный контракт.

Однако на Зал досуга у меня не было времени. Я наблюдал за всем, что меня окружало, изучал обстановку, ждал подходящей возможности. Если возможность вскоре не подвернется, думал я, придется создать ее самому. Но сперва надо понять, как тут все устроено.

Не забывал я и о проекте «Венера». Поначалу, сколько можно было судить, кампания шла блестяще. Заказные статьи в журналах, рекламные песенки, шуточки, стишки – все действовало безукоризненно.

А потом что-то пошло не так.

Начался спад. Неладное я заметил в первый же день, однако только через неделю поверил, что чутье меня не обмануло. Слово «Венера» исчезло из наших разговоров. Если кто и упоминал космические корабли, то лишь вместе с «радиацией», «налогами», «жертвами». И даже анекдоты от Бена Уинстона приобрели новый, угрожающий характер: *«Эй, слышали про придурика, что полетел в космос, натянул скафандр, а снять его не смог?»*

Со стороны легко было этого не заметить. Фаулер Шокен, просматривая ежедневные выжимки из экстрактов кратких суммированных сводок, составленных на основании сокращенных резюме и докладов отдела «Венера», скорее всего, ничего не замечал и не сомневался в том, что ему показывали. Но я-то знал проект «Венера» как свои пять пальцев. И ясно понимал, что происходит.

Мэтт Ранстед победил.

Главным аристократом спальни номер десять был Геррера. За десять лет работы он поднялся (в топографическом смысле опустился) на должность мастера-резчика. Трудился под землей, в огромном холодном подвале, где росла и зрела Цыпочка; Геррера вместе с другими мастерами разделявал ее на части. Взмахивая огромным ножом, на вид больше походившим на двуручный меч, он отсекал от Цыпочки большие ломти; потом разделышки, упаковщики и их безликие подручные фасовали ломти на кусочки поменьше, придавали им правильную форму, замораживали, варили или жарили, добавляли красители, стабилизаторы, ароматизаторы, вкусовые добавки, запаковывали – и отправляли на выход.

Работа Герреры служила еще и своего рода предохранительным клапаном. Цыпочка росла и росла уже много десятилетий. Начинала она как обычный кусочек мяса, несколько волокон сердечной мышцы курицы, и умела лишь расти и расширяться, сминая или поглощая

все, что встречалось ей на пути. Если ее не останавливать – она бы росла, росла, заполнила бы полностью свой подвал и продолжила расти дальше, сдавливая и круша собственные клетки. Геррера следил за тем, чтобы она росла равномерно во все стороны, чтобы оставалась мягкой и сочной, чтобы ее ткани не становились жесткими и непригодными для еды.

За такую ответственную работу неплохо платили, однако Геррера не обзавелся ни женой, ни квартиркой на одном из верхних ярусов. Порой куда-то исчезал по вечерам, и в его отсутствие эти отлучки были темой соленых шуток, однако при нем об этом заговаривали исключительно осторожно и почтительно. Свой двуручный резак он постоянно носил с собой и время от времени рассеянно проводил точильным камнем по лезвию. Я решил покороче с ним сойтись. Деньги у него наверняка водились – не мог же он ничего не скопить за десять лет, – а мне были очень нужны деньги.

Суть контракта по форме Б выяснилась очень быстро. Ты постоянно в долгах, и долг все растет. Часть системы – легкий кредит, другая часть – неприятности, от которых приходится откупаться. Если не выплачиваешь по десять долларов в неделю – к концу срока оказываешься должен «Хлорелле» тысячу сто долларов и дальше работаешь на погашение кредита. А пока работаешь, копится новый долг.

Мне нужны были деньги Герреры, чтобы выбраться из «Хлореллы» и вернуться в Нью-Йорк. К Кэти, моей жене. К работе. К проекту «Венера».

То, что творил с проектом «Венера» Ранстед, меня совершенно не устраивало. А уж о том, что делает Кэти, оставшись вдовой, я и вовсе старался не думать. Особенно пугала одна мысль: Кэти с Джеком О'Ши. Маленький астронавт кадрил женщин с каким-то ожесточением, словно желая отплатить им за годы унижений. Двадцать пять лет он оставался смешным уродцем, не спасала даже мужественная профессия летчика-испытателя. А в двадцать шесть вдруг стал мировой знаменитостью номер один – первым человеком на Венере. В расцвете молодости обрел бессмертие. И теперь торопливо и жадно вознаграждал себя за все пережитое. О его любовных победах, особенно во время лекционных турне, ходили легенды – и мне эти легенды были совсем не по душе. И это, и то, что он, кажется, понравился Кэти, а она – ему.

Еще один день, похожий на все прочие дни: подъем на рассвете, завтрак, комбинезон и защитные очки, грузовой подъемник, бесконечное хождение и взмахи черпаком под ослепительным искусственным солнцем, ужин, комната отдыха – и там, если повезет, разговор с Геррерой.

– Здорово ты отточил свой резак, Гус. Знаешь, люди в мире делятся на два сорта: дураки – и те, кто бережет свой инструмент.

Подозрительный взгляд из-под смоляных индейских бровей.

– Верно говорят: делай все как положено, и это окупится. А ты вроде новичок?

– Ну да. Как считаешь, стоит здесь задерживаться?

– А что еще остается? У тебя контракт, – ответил он и отошел к стойке с журналами.

Следующий день.

– Здравствуй, Гус. Устал?

– Привет, Джордж. Да, есть немного. Десять часов резакom махать – поди не шутка. Плечи ломит.

– Могу себе представить. У черпальщиков работа полегче, но очень уж тупая.

– Что ж, может, когда-нибудь и тебя повысят. Ладно, пойду посижу перед гипнотеликом. И следующий.

– Привет, Джордж. Как дела?

– Не могу пожаловаться, Гус. По крайней мере, все время на солнце.

– Да уж! Скоро почернеешь, как я! Интересно, как тебе это понравится?

– *Porque no, amigo?*⁹

– *Hey, tu hablas espanol! Cuando aprendiste la lengua?*¹⁰

– Не так быстро, Гус! На самом деле знаю всего пару слов. Но хотел бы выучиться. Разживусь деньжатами – может, схожу в город, девушку себе найду.

– Девчонки там все кое-как болтают по-английски. Вот если заведешь себе постоянную подружку, стоит поговорить с ней по-испански, ей понравится. А так все, что им нужно, они и по-английски знают: «Купи то, угости этим», да еще ваш стишок о том, что можно купить за доллар, ха-ха!

И следующий день – чудесный день!

Я снова получил зарплату. На этот раз мой долг вырос на восемь баксов. Я изводил себя мыслями о том, куда ушли деньги, но на самом деле все понимал. Со смены прихожу совершенно обезвоженным – так и задумано. Набираю пароль у питьевого автомата, получаю банку «попси» – с моего счета списывается двадцать пять центов. Одной банки мало, пью вторую – пятьдесят центов. Ужин, как обычно, безвкусный; чертова Цыпочка мне уже поперек горла стоит. После ужина все равно хочется есть – а в столовой как раз продаются в кредит «Хрустяшки»! Но «Хрустяшки» соленые, после них снова хочется пить – и ты идешь к автомату за еще парой банок «попси». После «попси» хочется закурить «Старр»; после сигареты – съесть еще пару «Хрустяшек». Как знать, не предусмотрел ли все это Фаулер Шокен, создавая трест «Старрзелиус»? Замкнутый круг: от «попси» к «Хрустяшкам», от «Хрустяшек» к «Старр», и далее до бесконечности...

Кстати, за право пользоваться кредитом с тебя взимают шестипроцентный налог.

Надо спешить, понимал я. Не выберусь вскоре – застряну здесь на веки вечные. Я ощущал, почти физически, как внутри, клетка за клеткой, умирает то, что делает меня мной. Энергия, решимость, воля к победе. Волю угнетают мини-дозы алкалоида, но еще более – чувство безнадежности. Выхода нет. Так было, так есть, так будет всегда. И в конце концов, пожалуй, все не так уж плохо. Можно впасть в транс перед гипноэкраном, или выпить побольше «попси» и расслабиться, или попробовать одну из тех зеленых таблеток, которыми здесь торгуют из-под полы. Цена их зависит от спроса, и продавцы охотно соглашаются подождать с расчетом до зарплаты...

Нет. Надо спешить.

– *Como 'sta, Gustavo?*¹¹

Он сел рядом, улыбнулся мне своей скупой ацтекской улыбкой.

– *Como 'sta, amigo Jorge? Se fuma?*¹² – И протянул мне пачку сигарет.

У него были «Гринтипс». Я ответил машинально:

– Спасибо, предпочитаю «Старр» – они ароматнее.

И, разумеется, так же машинально закурил.

Я стремительно превращался в потребителя – стандартного потребителя излюбленного нами типа. Все на автомате. Подумал, что неплохо бы закурить, – вспомнил о «Старр» – закурил «Старр». Закурив «Старр», вспомнил о «попси». Купив баночку «попси», вспомнил о «Хрустяшках». Купив пачку «Хрустяшек», вспомнил, что давно не курил, вспомнил о «Старр»... и так далее. И на каждой ступени повторяешь хвалебные рекламные формулы, ввевшиеся в мозг, в сердце, в печеньку, в каждую клетку твоего тела.

«Я курю «Старр» – они ароматнее. Я пью «попси» – она бодрит. Я ем «Хрустяшки» – у них такой приятный острый вкус. Я курю...»

⁹ Почему бы и нет, дружище? (исп.)

¹⁰ Э, да ты знаешь испанский! Где ты выучил язык? (исп.)

¹¹ Как дела, Густаво? (исп.)

¹² Как дела, дружище Хорхе? Закуришь? (исп.)

– Что-то вид у тебя невеселый, Хорхе, – заметил Гус.

– А мне и не весело, *амиго*, – ответил я.

Так оно и было.

– Знаешь, я попал в странную историю.

На этом останавлиюсь. Подожду, что он ответит.

– Да уж вижу, с тобой что-то неладно! Ты парень с головой, видно, не из простых – такие редко здесь оказываются. Может, помощь нужна?

«Отлично! Просто отлично!»

– Гус, ты об этом не пожалеешь! Доля риска здесь есть – но не пожалеешь, обещаю! Дело в том, что...

– Ш-ш-ш! Не здесь! – остановил он меня. А затем продолжал вполголоса: – Риск есть всегда. Но когда встречаешь толкового парня вроде тебя – дело того стоит. Когда-нибудь я ошибусь, *seguro*¹³. Меня схватят и, наверное, выжгут мозги. Ну и черт с ним! Плевал я на них. Я свое дело сделал. Держи. Насчет осторожности, думаю, сам все понимаешь.

С этими словами он пожал мне руку, и я ощутил, как что-то прилипло к ладони. Гус больше на меня не смотрел: он отошел на другой конец комнаты, к гипноэкрану, набрал свой пароль и, получив доступ к получасовому сеансу, проскользнул между другими гипнозрителями и замер.

Я отправился в туалет, набрал пароль, позволяющий занять кабинку на десять минут – прощай, еще один пятицентовик из получки! – и зашел внутрь. Разгладил комочек, прилипший к ладони. Это оказался смятый листок тонкой бумаги.

Вот что я там прочел:

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – В ВАШИХ РУКАХ!

ЭТО ЛИСТОВКА НОМЕР ОДИН, ПОЗВОЛЯЮЩАЯ УСТАНОВИТЬ КОНТАКТ СО ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КОНСЕРВАЦИОНИСТОВ, ШИРОКО ИЗВЕСТНЫХ КАК КОНСЫ. ВЫ ПОЛУЧИЛИ ЭТУ ЛИСТОВКУ ОТ ЧЛЕНА ВОК, КОТОРЫЙ СЧЕЛ, ЧТО ВЫ: А) УМНЫ; Б) НЕДОВОЛЬНЫЫНЫНЕШНИМ ПОЛОЖЕНИЕМ ДЕЛ В МИРЕ; В) МОЖЕТЕ СТАТЬ ДЛЯ НАС ЦЕННЫМ ПРИОБРЕТЕНИЕМ, ПОПОЛНИВ НАШИ РЯДЫ. ТЕПЕРЬ ЕГО ЖИЗНЬ В ВАШИХ РУКАХ. ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЧТО-ЛИБО ПРЕДПРИНИМАТЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ДОЧИТАЙТЕ ДО КОНЦА.

ФАКТЫ О ВОК

Факты: **ВОК** – тайная организация, преследуемая всеми правительствами Земли. Члены **ВОК** убеждены, что безудержная эксплуатация природных ресурсов ведет к росту бедности и неудовлетворенности жизнью, которого можно было бы избежать. Мы убеждены, что продолжение этой безжалостной эксплуатации приведет к гибели человечества. Мы считаем, что движение к гибели можно обратить вспять, если все народы Земли единым хором потребуют ограничения рождаемости, восстановления лесных массивов и плодородных почв, деурбанизации и прекращения расточительного производства ненужных обществу товаров и пищевых продуктов, не соответствующих естественным потребностям человека. Мы распространяем наши идеи при помощи пропаганды, такой, как заключенная в этой листовке, демонстраций протеста, а также организации диверсий на заводах и фабриках, производящих ненужные и вредные товары.

¹³ Конечно (исп.).

ЛОЖЬ О ВОК

Возможно, вы знакомы с распространенным мнением, что консы – убийцы, психопаты, невежественные фанатики, совершающие акты убийства и разрушения из иррациональных побуждений или просто из зависти. Все это ложь. Члены ВОК – гуманные, уравновешенные люди. Многие из нас по общепринятым стандартам достигли успеха. Клевету на нас старательно распространяют люди, заинтересованные в безудержной эксплуатации природных ресурсов, которую мы пытаемся остановить. Да, существуют неразумные, неуравновешенные или попросту аморальные люди, совершающие преступления якобы во имя консервационизма – как из идеалистических побуждений, так и с корыстными мотивами. Но подобные действия мы глубоко осуждаем. ВОК не имеет с такими людьми ничего общего.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Выбор за вами. Вы можете: а) выдать человека, передавшего вам эту листовку; б) уничтожить листовку и забыть о ней; в) подойти к человеку, передавшему эту листовку, и попросить его о дальнейшей информации.

ПОЖАЛУЙСТА, ХОРОШЕНЬКО ПОДУМАЙТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЧТО-ЛИБО ПРЕДПРИНИМАТЬ.

Я подумал. Смею надеяться, хорошенько подумал. И пришел к выводу, что: а) в жизни не видел настолько бездарного, дурно составленного рекламного текста; б) он грубо искажает реальность; в) быть может, он поможет мне бежать из «Хлореллы» и вернуться к Кэти.

Так вот они какие – консы, великие и ужасные! Листовка – полная чушь, противоречит себе на каждом шагу... и все же что-то в ней есть. Вряд ли намеренно, но эта листовка составлена так же, как мы составляем фармацевтические буклеты, предназначенные для врачей. Обращение к здравомыслящим и образованным людям – спокойное, по сути дела, с опорой на факты, без избегания острых углов. Разговор начистоту.

Обращение к разуму. Это всегда опасно. Разуму доверять нельзя. Давным-давно мы изгнали его из нашей профессии.

Что ж, теперь передо мной два пути. Можно пойти к начальству и выдать Герреру. Быть может, это привлечет ко мне внимание; быть может, меня согласятся выслушать; быть может, прислушаются к моему рассказу и даже захотят его проверить. Однако поговаривали, что тем, кто доносит на консов, тоже выжигают мозги – на всякий случай. Они ведь подверглись воздействию вражеской пропаганды, и после первой здоровой реакции вирус все же может сработать. Неприятная перспектива. Второй, более героический путь – рискнуть. Прикинуться единомышленником консов, проникнуть в организацию, разведать секреты. Если сеть в самом деле всемирная, вполне возможно, рано или поздно мне удастся вернуться в Нью-Йорк по их каналам. Ну а там я сорву маску и их разоблачу.

В том, что среди консов мне удастся сделать карьеру, я не сомневался ни на миг. Пальцы зудели от желания схватить карандаш и отредактировать листовку: вычеркнуть длинноты, сделать фразы короче и выразительнее, добавить слова и обороты, которые придадут тексту звучность, выразительность, вкус. Словом, превратить его в настоящую рекламу.

Дверь кабинки распахнулась: мои десять минут истекли. Я поспешно смыл листовку в унитаз и вернулся в комнату отдыха. Геррера все еще сидел в трансе перед гипноэкраном.

Я ждал минут двадцать. Наконец он заморгал и обернулся. Когда увидел меня, лицо его словно окаменело. Я с улыбкой кивнул, и он подошел ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.